

СМЕНА

16 1962

Младший лейтенант-высотник Борис Ожиганов — рядовой армии строителей молодого уральского города Качканара. Рассказ о Качканаре и кочкарях см. на стр. 10—11.

Фото В. СМЕТАНИНА.

**КОСМОНАВТАМ
А. НИКОЛАЕВУ
и П. ПОПОВИЧУ**

Там,
в небе вечно молодом
и старом,
вы связаны с Землею,
как Антей,
нет,
не лучами точными
радаров,
не веточками
топкими антенн.
Крещенные
октябрьской чистой
кровью,
вы,
внуки бурлаков
и бунтарей,
с планетой нашей
связаны любовью
поднявших вас до неба
матерей.
Не миллионными
рывками
стремительных
ракетных кораблей,—
друзья,
вы в небо подняты руками
голубоглазой Родины своей.
Вперед и ввысь!
И нет мечте преграды,
предела ей
не будет никогда,
раз в космосе работает
бригада —
небесная бригада комтруда!

В. КОСТРОВ

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ.

Год издания тридцать девятый

10

**АВГУСТ
1962**

Летчик-космонавт
майор
Андрей Григорьевич
НИКОЛАЕВ.

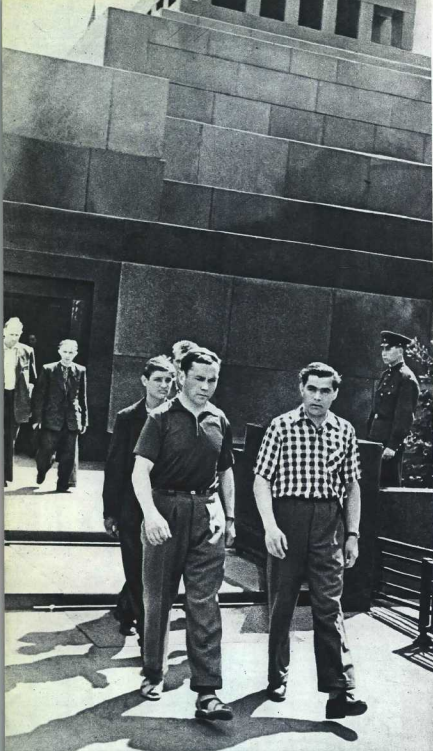
**СЛАВА ГЕРОЯМ
КОСМОСА**

Летчик-космонавт
подполковник
Павел Романович
ПОПОВИЧ.

Приняв звездную эстафету
летчики-космонавты Андриян
совершили групповой миллион

Все советские люди с восторгом

Друзья-космонавты А. Г. Николаев и П. Р. Попович после посещения Мавзолея В. И. Ленина.

Фото С. Баранова.
(«Авиация и космонавтика»).

Фотоочерк В. МИШИНА.

„ДЕНЬ
СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ“

от Юрия Гагарина и Германа Титова, Николаев и Павел Попович впервые в истории окилометровый полет в просторах Вселенной.

и гордостью приветствуют космических братьев!

Во время предстартовых тренировок. А. Г. Николаев (вверху) и П. Р. Попович (внизу) в космических костюмах.

Фото ТАСС и АПН.

Ничего не слышно — ни птиц, ни голосов людей. Только надоедливый дождь барабанит по палаткам лагеря. Нас сто сямьдесят человек, и мы почти незнакомы: всего несколько часов, как приехали сюда. Мы не туристы и не геологи. Мы собрались на красивой поляне среди красивого леса совсем по другой причине и будем жить здесь три дня. И, видимо, погода понимает, что у нас всего лишь три дня: вдаль над лесом становится светлее, и сто сямьдесят пар глаз провожают последние облака. Дождь стих. Ослепительное ярко блестит под солнцем тре-

ва. От палаток поднимается пар. По сигналу все собираются на построение. Лагерь открывает секретарь Харьковского райкома комсомола Т. Луис. Он поздравляет участников с праздником.

С каким праздником? Кто эти сто сямьдесят парней и девчат из школ и предприятий Таллины? Почему они собрались здесь все вместе?..

Этот праздник бывает у каждого молодого человека всего лишь один раз в жизни. Правда, для него еще не придумано подходящего названия. Пока называют его по-разному: или весьма абстрактно — «Летние дни», или слишком

официально — «Праздник совершеннолетия». Так или иначе, но он существует и в Эстонии стал уже традиционным.

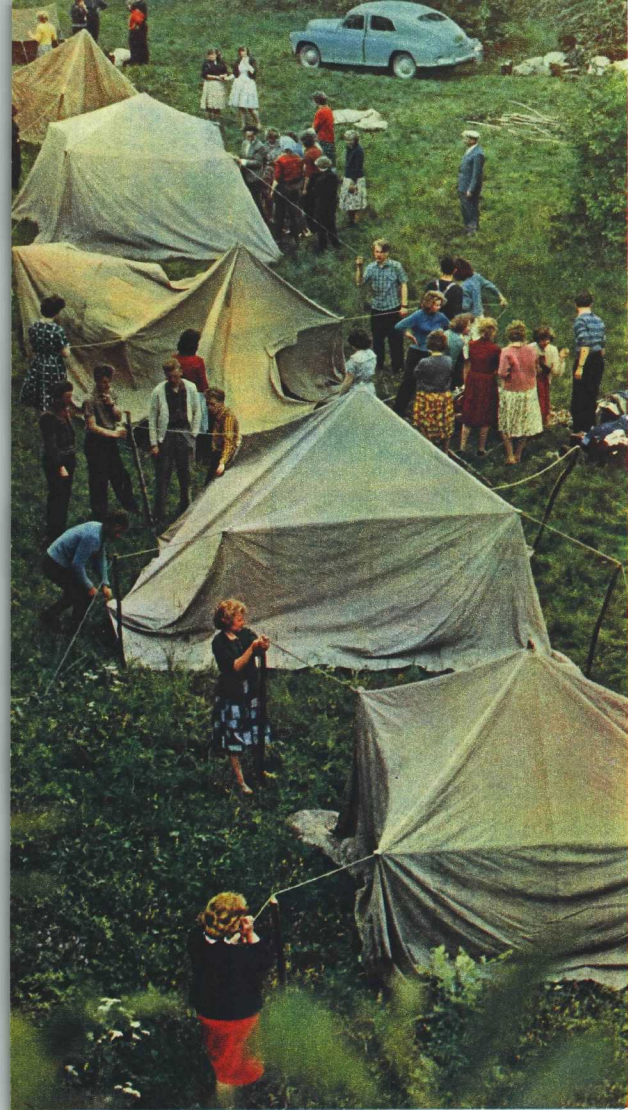
В самом деле, разве такое событие в жизни человека, как совершеннолетие, не стоит того, чтобы отметить его торжественно, празднично? Об этом люди думали с давних пор. Католические и протестантские церковьники использовали это стремление и разработали специальный обряд приема подростков в общину верующих. Молодых людей, достигших шестнадцати лет, собирали вместе и обучали религиозным заповедям, после чего они могли считать себя

взрослыми. Это называлось конфирмацией.

Сегодня о конфирмации можно прочесть лишь в энциклопедии, а у советских молодежи появился свой новый праздник. Сейчас его отмечают тысячи юношей и девушек Эстонии. А началось это в 1957 году.

Как-то ребята из эстонского местечка Ватса решили после севы собраться вместе и торжественно поздравить тех, кто достиг совершеннолетия.

В райкоме комсомола идею ребят из Ватсы энергично поддержали. Возник оргкомитет праздника, придумавший немало интересного

и веселого, а сельский Совет выдал нужные средства.

На зря говорят, что у добрых вестей большие крылья: слух о первом празднике совершеннолетних пронёсся по всей республике. Уже в следующем году тысячи юношей и девушек отметили свой «День совершеннолетия».

И вот мы недавно присутствовали на одном из таких праздников, проходивших в живописном местечке Кейда под Таллином.

Три дня не затухал традиционный костер. Три дня не прекращалось веселье, и даже капризная прибалтийская погода никому не испортила настроения.

Это были веселые и умные дни — с танцами, песнями, спортивными соревнованиями, с интересными беседами о моральном облике человека, разнообразными встречами с деятелями науки и искусства. То, что принято называть лекцией, здесь превращалось в живую дискуссию. Конечно, этот «трехдневный университет» совершеннолетним не претендовал на то, чтобы в столь короткий срок обучить молодого человека искусству жизни. И тем не менее собравшаяся тут молодежь познакомилась со многими полезными и необходимыми вещами. В самом деле, разве не интересно юношам и девушкам, начинающим самостоятельную жизнь, узнать, например, о том, как сохранить здоровье, уютно и современно обставить квартиру, как модно и красиво одеться? И особенно интересно, когда это тебе не налагают с трибуны, а рассказывают в живой, интересной беседе.

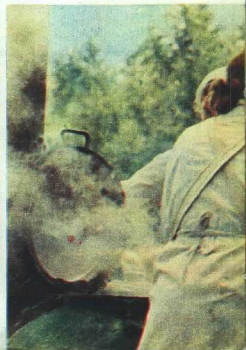
Так прошли три дня. Закрытие праздника было настоящим торжеством. Эту атмосферу создавал не только празднично украшенный лагерь, цветы, белые платья девушек и темные костюмы ребят, музыка, памятные подарки — торжественность была в самом ощущении большого и единственного в жизни события.

Мы любывали только на одном из «Дней совершеннолетия». А ведь в летние дни они проходят по всей Прибалтике.

Но почему только в Прибалтике?

На поляне среди леса вырос полотняный городок.

Никто здесь не жаловался на отсутствие аппетита.

Под вековыми кронами, как огоньки, мелькают национальные костюмы. ↑

Есть темы, о которых с юношами и девушками беседуют отдельно.

Вечером у костра песня звучит еще задумчивее (снимок с права в лизу).

Проскакать дистанцию в несколько десятков метров, да еще в таком одеянии, не так-то просто. Награда всегда достается победителю, но не всегда это кубок. Как видите, спортивный трофей может быть обыкновенным тортом. ↓

Вечера в кормовой курнике

Геннадий КАЛИНОВСКИЙ

Корабли любят встречаться в открытом море. Они, кажется, сами, без участия командиров, понимают радость встречи, горделиво подтягиваются, правее, левее, обычно, перемещаются прожекторами.

Корабли и люди не терпят одиночества. Есть на каждом танкере иллюминатор в нормовой надстройке, с левого борта. Там, в боковой нише, когда выключены на судне все огни, кроме ходовых, он продолжает светиться. Исламский брагман, он не гаснет в темноте штураса, упорно мигает в тумане тумана.

Иллюминатор, теплые пятны на корме — курника танкера. Ставшая каюта с баком воды вместо пепельницы — единственный угол на корабле, где можно беззаботно затннуться папиросой, забыть про тысячи тонн бензина или сырой нефти под ногами.

По крутому трапу сюда поднимаются механики и мотористы, прибегают из передней надстройки рулевые, заглядывают припоздновей в электрической плиты кот. Особенно людно в курнике по вечерам. Свободные от вахты матросы тушно побеснивают вальными послышми словосами, им глadio выбирать тему благуаху «Шипров», и кто-то первый обязательно начинает. Сильно человек — столько и удивительных историй услышишь по вечерам в курнике.

Человек за бортом

Боцман нашего танкера Сергей Петрович Гариуша рассказывает только о капитанах. Он их переводит немале за свои пятнадцать лет. Чаще всего он вспоминает капитана Забродина.

Начальство подниматься легко, понимать его трудно.

К примеру, боцман на судне вроде старшина роты. Если командир молодой, старшина ему главный помощник и капитана покажу, оекуа. А боцман, как вам известно, у капитана левая рука. Правой можете считать старшину.

Капитаны мне попадались всякие. Молодые и в возрасте, спокойные и всякие. Два я на характер мало внимания обращаю. Всегда старался понять, что у человека основное, ради чего живет, зачем на флоте оказался.

Хвастать не стану, но ба-ваый опыт приобрел! Сюю систему разработал, куда какого капитана отнести, по собственным графам их расписываю.

Августин, «куколка». Эти на мостик поднимаются в каталках, дуралеска с кривом, шверты сверкают и трубка в зубах — прямая, и называется «бурья».

С командой «куколка» вежливы, голоса не повышают, всех на язык и по очтыву. Зато старшину у них непременно крикун и шибко вредные.

Капитаны-«чекмашники» — те больше из стариков. На мостик их без надобности не тянут, в каюте у них на стенках не жемы висят, а лужи. Удирать «чекмашника» нет возможности: на Цейлоне он перешил, в океане тоула, за авария в Красноводске судалас. Ждет он ни пенсия и похвояку раскладывает висель.

К боте бухманской, не перевелась пока у нас и «рубка». «Рубка» матроса по плечу покладает, пропустит с ним кто итадасет, о девочках поубоукалит и думает, что подвиза он свой капитанский авторитет. А разобратся, так он матроса обидел, увидал его. Матрос, может, по молди от него ожадал. Задачку решать для вечерней школы или что поперзешет.

В общем, было у меня стройное понятие о капитанах, и очень оно жить помогало. Приглажуе, начальство в аужную графу определяю, и устанавливал общий язык. Я не подолжился, не подкаменивал — на такое я отроду не способен, — просто быстро соображал, с какими капитаном как лучше общее дело делать, не трить время на лишние разговоры.

И проворешный на всех морях капитанский табель мой полоната Иван Александрович Забродин...

Ниг в ому графу си не помещался, куда бы я его ни пристравлял. И не помещался. Смугля Иван Александрович мою душу сразу, когда еще в старюнах ходил...

Капитан в ту пору у нас был нестой яробы «куколка». Старом, естественно, голордер и суетя. Его переводил и аказывал лового.

В первый день посмотрел я на него и заскучал: не сыграет оркестр! В большом каталоге, опять же при пономом золоте на рукавах и модальней — лет двадцати шести. Дво «куколка» на одном судне не уживутся. Слышат его язык капитан. Обязательно слышат!

Попал в рейс, и жду я, с чего служба свою начнет старпом. Он у капитана прова поадит, отсюда положивую вахту, познакоемилас со всеми за ручку и все переспрашивал:

— Повторите, пожалуйста, отчетливо... По моем воям играет, не обивая я...

Вечером Забродин наведалас в кормую курнику. Присел, стартер зажжет и затайка набли тары-бары. Человек новый, к тому ж старший экономик капитана, а прошлого не «с добра надолго запомнил. Давным и молчим. Он тоже молчит, чуть улыбается. Подозреваю, успел он на поадохе по коридору услышать, как чересур открытию и громко злылся один морячок.

Бросил старпом в бачок сигарету, подымался и завывает:

— Неутю ждас.

— Стандартная курника, — возражаю я спокойноенько. — При наших грузах и то слава богу.

— Я о другом, товарищ боцман, — улыбаеца в ответ Забродин: — Настроне неутюем...

С тех пор не встречала и человека с похожей улыбкой. От его улыбки будто ветерок в носадри: сверкает зубами, в глазах искры, и прямо нет возможности удержаться — хочешь не хочешь растягиваеца рот до ушей.

Мы и засмеялись, не соображая, к чему он клонит.

А утром вызвал он меня в свою каюту и прогивает табличку из жести. На табличке от двух печатными буквами выделено: «Красный уголоч № 2».

— Будете добры, Сергей Петрович, прикрепите на двери курника.

«Чудит старпом», — подумала я.

— И еще, добрый Сергей Петрович, — добавляет он мне на прощание. — Пусть половина настольных ног из красного углака № 1 постоуно находится в красном уголке № 2.

Я ни слова не возразил, приказание выполнил и жду, что дальше поаучусь.

Сначала матросы плачем пожимали, хихикали, да деться некуда! Утром вызвал он рубку шалматы поаодать, шалты, вкрасы аэробайжаские. Папирсу в зубы и айда сржатаеца! Не курника — дом отады под Маха-кашлой! Кто чепузу болать начинает, прикрикивают: «Не гу-ди! Играть мешель!»

— Признайтесь, Сергей Петрович,— спрашивает меня как-то Забродин.— Вы в мою затею не верите?

— Не верю. Испокон века поговорка есть: «Не место крадет человека...»

— А я не против поговорки,— улыбается Иван Алексеевич.— Но если место правильно оборудовать, оно подтягивает человека. Верно?

И соглашается.

— Верно. Обставил вы старого хрыча. На позицию пона.

— На востоке говорят: если глаза блестят, как семья, старость еще не выступила. Мы еще поглаваем, бормочем!

И слова улыбаются...

Вспоминается удивительно, но, честное слово, вся команда с улыбкой ртыла. Стояла в туману и туману поворачивать Забродину и сразу смел пущик. По плечу он никого не халдал, в живую ни с кем не бегал, но матросы дили в нем не чаши, перекрестили ладково в Колобродку.

Тут и дала начальную трещину моя система. «Кужолаа-капитан извещает от Ивана Алексеевича и не собираюсь: яли по перевозкам перемываемым, на судне поезде. Мало того, сам капитан вела в курьку заведываться, в шланги агреть...»

Через полгода «жужокуса от нас забрал и оставил законным капитаном Иван Алексеевич Забродина.

Порадоваться толком мы не успели, даже соробаны не провели. В первый же день получили раскряхтение известия несть с минерогной пригала. Отстады на Нефитных камнях, где автомашин ходит и дома окошки светятся, в те времена и в помине не существовало. Торчал посредни моря окрестный весь ветеран свинный причал и на нем цистерны по шестое токи кажда. В цистерны с морских скважин качали по трубам нефть. Разгужались цистерны хлывши способом: на соседний остров, где рация выходилась, заранее радиогромно отступают, два матроса-портюжика и шланку и на вслах к причалу. Трянет приезд, матросы скважины придувают — и до скважины, обратно на остров. На острове береговой кубрик, жемы чай выкинут...

В середине ноября, в самые штормы, выехал первый рейс капитана Забродина. Третья сутки восьмидесятым года-ост и свежий крупа над морем...

Починало нас породаком, но до «линерного» адмаш в срок. Подъорвачил Иван Алексеевич к причалу лавый бортм, гудит, к бивокло припал, а на причале пусто. Нету матросов — и толка кука! черту в такую штормовку на шланке с острова сврзались! Их и обивания-то ни в чужом несли!

А нефть не ждет, нефть в цистерны буль-буль, до края цистерны.

— Попроbum,— сказал Иван Алексеевич.— Сама поглысаем.

До смерти не забуду я эти шесть попыток. Стоя я, привязанный к лернам на ливней палубе, осли, ослих от воды и шесть раз «приводник»-трос, который хлывет шлангом вылетает, забрывается на известы. Где море, где небо — все перепуталось. То танкер сверху причал, то причал над танкером...

Уже одно, что не разбил Забродина на куски судно, — душина для капитана отступалась...

Не удалось нам ошвартоваться. Отстояли подальше, выпрямил к боку на бок, с носа на корню переваливаемся. Радист из рубки выскочил, глаза бешеме:

— Простит ответить категорически, товарищ капитан! Если причалить невозможно, буйте выжины и нефть — в море.

Стоит Иван Алексеевич бедный, пальцами в лавинный шланг и все же улыбается:

— Погода, дорогой! Не торопил! Еще в школе узнал, что вет безвыходных положений.

Опаянулся он по сторонам, поехался и сбегал к себе в каюту. Ни кто и опоянется не успея, а капитан в одном шерстяном белье на ливней палубе «приводник» заквуривает вокруг порта. Скудана — и придула в Капитан Иван Алексеевич. Показался мне, но слышно больше ветра, тишина на корабле. Замерли морские, окомом. И адрут три матроса, тыща за другим, рубю с себя долой и доложуку за халитаня.

Рядом со мной молоденький моторист Аргунас, очнулся, закричал лавным голосом:

— Капитан за бортом!

— Молчи! — цыцку я на него.— Молчи, салага! Человек за бортом! Вот привалишь тревога! Помини над!

Глаза нора-ост режет, слезы выжидают, а я не мигаю: четыре пятые палубы талшту на вонках. Дашут и провадот. Чуть трепало! — серна в Капитан Иван Алексеевич. Пот межко лопоток. Матросики молодцы! От капитана на ливней метр не отрывались, страхуют капитана...

Как Иван Алексеевич на руках под сурь в каюту принеси, как нефть качала, рассказывать не стоит. Обивалимы мы все, деловались и лиски пали. С торчачем, выверено...

Ночью к стругом лавем на курс. В двадцать три часа примериво в речондукатора шланку, и Иван Алексеевич объявил:

— В кают-компании состоится производственное совещание. Явка свободных от работы обязательна.

Подмался я к койке, почесал в затылке. Что он еще выдумал, непонятный для меня человек? Решла реть произнести о своем назначении капитаном! Призвать, взять обязательства, заключить и прочее? Неужели призвал, дальше некуда — трое матросов за борт за ним situated.

В кают-компании народу — не пропалокажем. У стола Забродин. Горят на китеме пугонники, на сорбаче галустк черным узором. Будто не в шерстяных халках в лавной воде ректорам ставля по плаванью.

Иван Алексеевич для профрумы постучал по градину карандашом:

— Я вас не эдекруку, товарищи. На повестке дня единственный вопрос: просьба капитана. Я прошу вас о способе сегодняшней разлуки не распространяться. Ошвартовались... и адно.

Тут меня, старого дурака, осенило! Похломаде я не на шутку. В суматохе из головы выскочило, что не змея никакого прова Иван Алексеевич танкер поведать. Капитан же, незвольте радоваться, от корабля до причала сажеными море извергать.

Не выдержал я больше. Постучался к нему в каюту и все значитую выложил. Не скрыл про табель свой капитанский, про распространение свою и попросил объяснить, почему он прыгнул. На войне подает совершенно, удедешем! — одина адно, а здесь вперед один неприятности. С капитаном своим выдержит, не трогает.

Он меня выслушал и мигнул пять смехам. Двое выпли и слова смеялся. Потом говорит:

— Я вам по порядку ответу, Сергей Петрович. Во-первых, людей по плочкам расковать — дело опасное. Человек живет и, значит, растет. А на ливней. Вредные занятия! Я прошу вас о способе сегодняшней разлуки не распространяться. Неаля: корабль не вояжный, оштра трава, профсоюз. Сами понимаете. В-третьих, не продавать же нефть. Ее бы в море стравили, а люди работали, старались. Вот и все...

В бакю приши, и не вышпалны морские капитанской просьбы. Крото, я не жельа слушать про большой порок, я жельа и зельа в друку.

Он объяснял и смотрел голубыми, строгими глазами. Мне почувалось, что ему стыдно за меня, он испытывает смущение и невольность.

Больше я кошанных перчаток не надевал, но и не обижался на Леньку. Сердился на папу и маму за свой неудачный порок.

Третий штурман Евгений Чашкин узнал о моей неудаче и недолго попросил:

— Варвар вам Каймоков. Перенял метод у профессионального американского бокса.

На слова штурмана я не обратил никакого внимания. Чашкин был глуповатый, маленький и авторитетом в спорте не являлся.

И как грим греди злого неба адрут: «Сегодня в восемнадцать лавноль закрытое комсомольское собрание. Персональное дело Л. Каймокова. Что за чуепуг! За моей стинной толкался матросом, читали объявление и тоже глуповато жали. Лавноль и варру персональное дело! Он член судного комитета, от него некуда даже швом не шлает, он со-

вой тренировка. Лавя показала мне исключную позицию, заставила помахать руками и потребовала, чтобы я его атаковал. В тот же миг он зашелся мне перчаткой по левой скуле. Я звыал и ринулся на Каймокова. Ребята тоже захохотали, а Лавя схватила меня за руки.

— Ты что? Это — испытание на болевой порог.

— Ты же жельа слушать про большой порок, я жельа и зельа в друку.

— Переставь, Виктор! — Голос у него действительно звучал маршробино.— Переставь! Пойми, я по-новому проверяю годность для бокса. У каждого человека разное восприятие боли. С низким болевым порогом в боксе дело нечестно.

Он объяснял и смотрел голубыми, строгими глазами. Мне почувалось, что ему стыдно за меня, он испытывает смущение и невольность.

Больше я кошанных перчаток не надевал, но и не обижался на Леньку. Сердился на папу и маму за свой неудачный порок.

Третий штурман Евгений Чашкин узнал о моей неудаче и недолго попросил:

— Варвар вам Каймоков. Перенял метод у профессионального американского бокса.

Обручальные кольца

Матрос первого класса Виктор Лынов три года назад законил десятилетку. Немало его сверстников плавают сейчас на Истин, и все истории Виктора связаны с ними...

Лынов заведовал умом. Заведовал его спокойном, невозмутимым выделом, уверенным, квадратным плечом боксера, веским, продуманным словом.

Открывничали мы с ним однажды и недолго.

— Тебя интересует, зачем я, моторист, поступаю в зооучный строительный институт? — перекрестил он и помолчал.— Вопрос поставлен неправильно. Ты бы лучше спросил, по какой причине я после десятилетия попла в торговый флот.

Он опять умом, но его назуны не раздражали, вызывая незлобное удивление.

— Я выбрал флот сознательно. Я хочу быть хорошим строителем. Это значит научиться надо работать с коллективом. Механизм и расчеты я изучу в институте. Люди — на корабле. Нигде так достоверно и быстро не выработается коллектив, как на судне. Согласен?

Не хватало мне не согласия! Он отлично знал, что ему надо в жизни, младший моторист танкера «Двина» Леонид Каймоков!

Я слушал его и с презрением вспоминал себя, разгневанного, втеропленного, с аттестатом зрелости под мышкой. Целый месяц я метался по поручу от завода до завода, пока наконец родной адл, портовый сторож, не схватил меня за шпорок и не затопил в отряд каменок перерокуста...

Лавноль поплам на танкере. Он со всеми держался ровно и просто, перед начальством не лезил, задвоив, имея второй взгляд, добродушно руководил секцией бокса.

Из прищипки я тоже захватил в боксера, но все кончилось на пер-

бюджет спортивный режим, у него свободное время по минутам расписано. Давнину обманул? Неподходяще на Ленку! Он на стонках на тачке не бега, письма только от матери получал. У друзей и в Астрахани и в Красноводске по доброй знакомой, и никто их не тает к ответу... Гудела встревожено «Давна», спорил, гадал, угадал... За полчаса до начала собрания расквитался в кассу-компании все ступил. Секретарь комитета представляла первое слово капитану Платону Игнатьевичу Коржу.

Капитан пошевелил усами, всех нас сурово огледал и закашлялся: «Извините, товарищи. Продаю меня прошлой ночью... Старик не торопился, перебрал на столе бумажки, вынул на нос очки и поднял кверху двумя пальцами что-то маленькое и блестящее. — Я получаю на свое имя баннероло. Ценную. Обручальное кольцо. И письмо, которое я сейчас оглашу.

Мы все подальше встали, тишина, а в письме ничего особенного. Нелена Нади Макарова просит капитана «Давна» поговорить с младшим мотористом Каймаковым. Она и Каймаков год полтора назад обменялись обручальными кольцами. Любви у них не получалось, никак-абсолютно (абсолютно!), и заговора этого-то претензии она к Ленке и имеет и просит лишь вернуть ее обручальное кольцо. Когда принадлежало недавно умершей матери. И адрес: Саратов, улица, номер дома. — Ну и персональное дело! — подоскакал наш радист Сергей Ахизин. — Стоило людей будоражить! Отсюда ты, Леня, пожалуйста, ювелирное изделие в Саратов — и точка!

Мы все сразу загудели, обрадованно задвигали стульями к выходу. Не подлая на Леня Каймаков, и незачем разводил ненужный формализм.

— Вы куда? — крикнул вдогонку секретарь. — Персональное дело вынесено на собрание по просьбе самого Каймакова. Принимают?

Чета с два! Этого никто понять не смог, и снова в кассу-компании тишина.

— Да! — мрачно подтвердила капитан Корж. — Со мной Леной Каймаков разговоривать отказался. Заявил, что все расскажет комсомольцам. Сами и разберайтесь.

Платон Игнатьевич бочком протолкался между стульев и вышел. Он вообще очень уважал нашу комсомольскую организацию, не давая капитанским авторитетом.

— Ну! — подоскакал Ахизин. — Еще минута — и я невравствник! Выкладывает, Леня!

Леня возмущался, но держать себя в руках он умея, и глаза его по-прежнему ядро и строго голубые.

— Я ненавижу слатки, — сказала он тихо. — Человек должен жить открыто. У меня нет тайн, и товарищи обязаны знать обо мне все до конца. Если бы мой разговор состоялся наедине с капитаном, не избежал слатки и пересудов. Лучше отгнаться перед коллективом...

— Но давай! — присистел кто-то с восторгом.

— Я знакомился с Макаровой в Махачкале, — пропустил мимо ушей реплику, продолжал Каймаков. — Она занималась в педагогической техникуме. Мы подружались...

— С последствием или без? — екнуло перебив из угла. На चेках у Леня вспыхнули вышние пятна, он уперся руками в стол и жестко отчеканил:

— С посылками не разговариваю. Его друзья и сердито поддерживали:

— Правильно, Леня! — Выговаривать суда не шель!

Пятна на Ленкиных щеках пропали, он хладнокровно выждал, пока все успокоится, и продолжал привычными, вескими словами. Мне даже показалось, что уже он, а не наш секретарь ведет собрание.

— Макарова права: любви у вас не получалось. Однако трагедия здесь не вижу. Мы оба молодые, и все у нас вперед. Вызоват я в отлом: в данное время у меня нет возможности вернуть кольцо.

— Почему? — изумился Ахизин. — Ты же не промя, надеюсь? — Кольцо в ломбард, — возмущался Леня. — Промыт, брая я отпущ за свой счет Экзамены в институт сдавал. После зарплатты выкулю. Обещано.

Наш радист Сережа Ахизин весь килограммов шестьдесят, а темперамент имел не меньше тонны.

— И протестую! — выскочил он к столу. — Категорически протестую! Не желаю, чтобы Нади целый месяц ждала кольцо. Может, мы не мюрики? Может, мы крохоборы? Ответьте, я вас спрашиваю!

Вместо ответа вокруг Ахизина мгновенно образовалась веселая толпа.

— Держи петрку! — Вот сме! — Вот трещал!

Ленка никак не ожидала подобного поворота и растерянно бормотала: — Ну, зачем! Я же не хотел... Не надо...

— Простите! — ошмыкнул секретарь комитета. — А протокол? Что я запишу в протокол?

— Вынески шептенею, — торжественно провозгласил Ахизин. — Непонятно и убедительно.

Теневый собран около ста рублей. Ленка, весь какой-то растаявший, делал выговорку заблуждам:

— Мне хватят сорок... — Стоп! — подила руку третьей штурман Чапкин. — Сколько у вас, Каймаков, набелало отгульных дней за последние рейсы?

— Двадцать. — Вызову продолжение! На остальные деньги отправить Каймакова в Саратов, и пускай он лично урчит кольцо. Пускай она знает: не перевелась еще рыцари моря!

— Что значит из Одессы! — прищелкнул языком Ахизин. — Я бы не придуля. Подальше, или тебе неприятно, Леня!

— Стойте! — выскочил к Ленке, и он равнодушно пожал плечами: — Могу съездить.

Утром мы пришли в Баку, а вечером проводили Леню Каймакова. На вокзале мы хлосали его по плечу и бодро давали наставления: — Ты держи хвост пистолетом! Каймаков поманивал спортивным чемоданчиком и успокаивал нас: — Я все учел... Спустишь пять дней мы со штурманом Чапкинским докруживая у прохода — привела последнюю сигарету.

— Вызову осознание, — ответил Леня. — Сам ты у меня растел. Мне как и не показало. Но претензий нет. Она подтвердила. Может письменно. Что вы на меня устались? Я же не зла. Соберем новое собрание, и я все объясню. Честно сознаюсь... Невозможно, но его галва опять голубела ярко и строго. Мы молчали. Мы тогда поговарили, что нам цвевать на такую честность. Мы и плонули. Чтобы загнать сигареты. На причале курить нельзя...

С а б и р и з х о л о д и л ь н и к а

Рассказы рулевого Андрея Косинского обязательно начинаются с вопроса. Его волнуют тысячи проблем, и никто в нашей курье не в состоянии догадаться, о чем он загворит сегодня...

интересно: с каких пор человека можно считать человеком? Не робеком, не юном, а личностью? Когда он впервые почувствует? Или когда женился? Или после институтского диплома? Не смеюсь, смешилось тут нет. Я, между прочим, читаю, что писатель Гейдар в семидесятый лет командовал полком. И Фредель Кастро не пожелал товарищ, хотя и с бордой. А мы, случается, уже два годика под двадцать пять обзываем ласково несмысленным, ждем, пока подрастет. возмется за ум. Он и растел... Не чужих хлеба... Ковчег, Сабирку, с котурман и на Рыгушечном работа, не исполняются и шестидецати. В первый день знакомства и над ним изделие увидишь.

Ходил я в то время на малом флоте. От базы на Мыншадле до острова Рыгушечного реологов возил на моторном баркасе. У них на Рыгушечном стояла заводная соседняя заводина — первый завод с двигателями и в сутки. Полтора часа туда, полтора обратно. Скукота зеленая с белыми баршаками!

Вот как-то загорал я подлин у пирса на базе, и поднимается на баркас параванчик.

— Вы капитан? — Я охотно отвечаю:

— Дальнего плавания.
Он не то удивленно, не то испуганно баскула галемю.
— Протрите, пожауйста.
Я взяа запяски и прочла: «Сабир Уиси-аде направляется в буровую партию о. Ракушечного в качестве подсобаника. Подпись завкадрами эскадриши.
— Отступила я на шаг, осмотрла подсобаника и обиделась. Тростника с кучеровой паловой. На куртке заплатки, тапочки на босу ногу, обшуденный нос. Незнаесто, где душа держится, а тоже лезет в союзное заведение!

— Аоставим тебе на остров.— Я влокула и развеа руками.— Только баркасу требуется небольшой ремонт. Поможешь?

— Он сразу тойи рюкзак бух на палубу.
— С удовольствием!
— Вышла чужероду тумбу? Она по-морски называется кнект. В последнем рейсе он расплытался от кавки, вылез вверх выше нормы. Бери молоток и оскаживай. Да не стесняйся, лужи изю всех сил.

Сабир пристурился, вроде примерялся, и давая дубесть по кнекту. Мени хотот разбить, губы кусаю, и жалко ужасно, что немку на пирсе побавляюся на мою шутку.

— Я к мотору.— сказа я Сабру и кубарем а катуу.
Он кивнула и продолжает трудиться. В каюте я ушла на койку и зашла до суадор: лу и «шодосник в наш век! Умор! Засек я на часах, на сколько его хватит. Пить миву — стучит. Пьяндавать — стучит. Весе баркас от трюка стовет, борта водатеплов. На аналитич мивуу я мени в ушах завзвеноа, я выскона и оставила мальчишку.
— Спасибо Хватит!

Он обиделся молоток, вытер лоб ладьяно и улыбается:
— А по-морску, милашата!
— Ишь, разохотился! — Я даже почувствовала ему.— Наверно, из придежных и стертальных Заездта.

— Ничего,— говорю.— В следуючий раз добьем.
А он прено смеет, зубами смеит:
— Нет. Следующего раза не будет. Уас выдержки маловато, капитан.

— Что-?
— Хотел размырть — терпение надо.
Вста я как вкнопный, и уши загорелась. От волнения они у мени всегда краснеют.

— Ты знаа?
Он весело отвечает:
— Я в баку родился, капитан!
— Зачем же стучаа?
— Сама воля проверила, Свою и катуу.
Вот тебе и «шодосник! Плячет в рупу не кладт! Получается, остался я в безвозвратных дураках.

— Закуривай,— вынула я папирсо.— И пойдем на Ракушечный.
— Некуривай.
Я вполосался на Сабра.— Его везет! Всем респектел по мой комфузу. Отчалиа мы от базы, и попороба а подходитьс а другой стороны.

— Давно ты волю тренируеш?
Он варут быстро-быстро замолта, застенелся, и опять передо мной тростинко-пиднежок.

— Я специально не тренирую. Мне главное — определиться...
— Не расстреляет,— почему-то решила я и обиделась его:
— На Ракушечном ребята отлыжыны. Не проплывет.

— Вы мени не поняли. Мне необходимо в жизни определиться. Я в прошлом году семь классов закончила, а прижыны нет...
— Еще не хватало! — возмутился я.— После аттестата зрелости и расудая. Или материально не позволяет!

— Материально тоже.— Он нахмурился.— Но маа убеждена, что мие уже пора иметь цая. Зиму я допосиничко кивомеханика попоробат... не интерессо. Может, геологичи понравится.

Подосаи мы к Ракушечному. Сабир завертелся, вылез до поаса из штурвальной рубки.
— Красота!

Пожа я плачани. Всей красоты — пять финских домиков на сером берегу, и куртов дошка. Ни деревца, ни кустика, нестер в аштенках свистает. Мы попоробали. Он забросил на плечи рюкзак, подпрыгнул до ултрак и завалаа по дюнам. Попадае я ему всаде, и очевь он мие однокорно показался, никому не нужным, заброшенным...
— Неформально, ты и твоа маа! — подумал я в сердцах.— Тебе бы кивки в тамке читать, а она вылетела на край света...

В следуючий рейс Сабир встретла мени на Ракушечном мрачячий и грустный.

— Не повезло мие. Андарей.
— Неужели не привезла?
— Начавшая на холодаммюна.

Он жалуется, а я про себя благодарю начальника партии. Умища, правильно оценив возможность Сабра, не послала на вышку. А холодаммюна геологич считала своей гордостью и великим хозяйственным достижением. Зиму сит нежаская с моря льда, вырвала рубочку земляну и устроила ладьку с продуктами по всем правилам — с отсеками и выжыными трубами. Единственное сооружение на весь Каспий.

— Ты радуяся, чудак! Дело не пыльное. Хозяин закуски и спирту.
— Не извесьши! — Он рассердился, выстада изза палуки обуюу теарь и зашептал стрелками перем мой носом: — «Пшкаа», «Рсхода», «Бараныни пятьдесят килограммов, свиные сорок». Разве это заятие? Я а торгаша не собиралоа!

— Отжакши, и поехали обрять.
Он замаска, скрутила в трубку тартар.

— Неудобо, помехаши. Асверали. А насчет спирта, ты, пожауй-

Рисунок В. ЮДИНА.

ста, не намекай. Ты мие друг, но не дам. Вчера уже у мени прошла...
— Теперь и я разомазалис!

— Нужен мие твой спирт! Вечно так: чуть в началство — и морду в сторону!

— Не плад, Андарей! Он поперкивал, как от боли.— Ты же не дурак, правда?

Размолвку яшу му, конечно, быстро забыла.
Геомет по-разному отымаался о Сабре.
Одни ругались, что мальчишка не понимает специфики и держится бюрократом: на каждую чепуху требует оформную бумажку.
Другие, наоборот, хвалили, даже кто-то выдвинул проект, чтобы и в государственном масштабе все завскадками были несовершеношествоа. Они, дескать, еще не осознали акус язвтки и не прелмяются на летком обогащении.

Кроме мени, никто и не догадывался, как Сабру трудно.
— Студенческое молоко снитс,— доверительно шептал он мие в каюте баркаса.— Не хватает банки, и все! Я считаю, снито, закнру и просыпався. Сбегу я, Андарей! Обязательно сбегу!

Но не сбегла. На все мои предлодения доставить его на материк грустно твердила:
— Неудобо...

Ему нравилось встречать мой баркас на причале Ракушечного. Скрестит на груди руки — нех даи бы взять капитан Немо — и ждет, пока отшвартуется. Ресничу у него черные, а на солнце загораются, и будто лучики из глаз. Красивый был парень.

Первого маа Ракушечный опустел. Всех геологов перевез я на базу, и три дня они там веселились с вином и танцами. Стало вспоминать, но я всемо разоко поинтересовалась, где Сабир, и успокоилась. На баркасе в кутерне не заметила, а на базе не мудрено и затеряться...

Кончались праздники, и баркас мой лет на курс к Ракушечному. Первые геологич сошла на остров, и не успела я отчалить во второй рейс, прибавет завкоз партии, и у него руки трясутся:

— Беда у нас! Сабир заболоа!

Я с похмелья сооржала туто и не сразу все уснула. Оказывается, перед отпаркой с острова завкоз увидел незарытый замок в одном пробое на дверях холодаммюна. Он удивился неаккуратности Сабра и цешакуа контрольным залком. А Сабир наводил последний порядок в своем хозяйстве...

Три дня в темноте, три дня в минусовой температуре, в майке и в тапочках!

— Сказали вы! — зорела я.— Ашудебуи!
Завкоз не отреагировал и помылся назад к финским домикам.

Сабра привнеса на плац-налтке. Он бредил, стонал, и сопроводявший его буровой мастер потитительно покачал головой:

— Мот и не пропуститесь. Полно везе деревянной тары, и спички есть. Разведи костер и грейся. Так он есть свинсок составил, сколько продуктов употребили!

Сабир остался жив, но я семь лет подряд себя спрашиваю: развеа бы я костер на его месте или нет? Заверши, и черт с вами, мие здоровье дороже впашего холодаммюна. Нормальный вывоз, и никто не осудит. Честно, не знала, как бы и поступила. Знаю только, что человек для мени начинается с ответственности перед другими людьми. Сабир научил...

В темноте шатался и в густом тумане светится на норме танкера иллюминатор. Много удивительных историй услышать по вечерам в курнике. Коридри и люди не терпят одиночества.

ВЫСОТА КАМЧАНАРА

Если бы величие гор измерялось не только высотой, но и возрастом, не было бы горы величественнее Камчанара. На многие сотни тысяч лет древнее он своих горных собратьев — Эльбурса, Монблана и самой Дюмулингам. Под тяжестью лет сгнулись плечи неприступной игла-вершины. И сегодня ее высота всего 883 метра. Впрочем, пока отбросим слово «всею», 883 метра... Много это или мало? Географ ответит нам, что Камчанару есть чем гордиться — выше него нет горы на Среднем Урале. А камчанарец? Что скажет он?

Мы на удивление ст собааз, на подняться на вершину горы, которую человек готовился сползнуть с земли, своими шагами измерить высоту грядущего подвига. И вот, пролепта по долине, мы азорались на шероховатую теплую спину каменного верблюда — станца, увеличивающего вершину Камчанара. Гора, как громадный ковчег, плыва по зеленым волнам таинного океана. Далеко на горизонте искрилась река Ис и дымила теплоэлектростанция Нижней Туры. А чуть ближе светлели домами нового города, подковой охватившего маркусы строящегося комбината. И домами и сам комбинат производили отсюда, сверху, нереальное впечатление. Очень уж робко пристроились они сбоку горы. Но мы поминим, что накануне, когда мы глядели на гору из самого пекла стройки, гора показалась нам чрезмерно покатой и неказистой, а стройка — всеобъемлющей и всепожидающей. Какое же представление справедливее? Придется взять в руки цифру. Восемь миллиардов тонн — такое количество руды извлечено в недрах Камчанара. Цифра гигантская. Она заставляет нас с уважением отнестись к горе. Но ведь та же цифра — восемь миллиардов тонн — характеризует и комбинат, вернее, его продукцию. Каждый камень, принадлежащий сегодня Камчанару, пройдет через четыре гигантских звена комбината: цепка крупного, среднего и мелкого дробления, обогащающую фабрику, горючего подста и великан-комбинат.

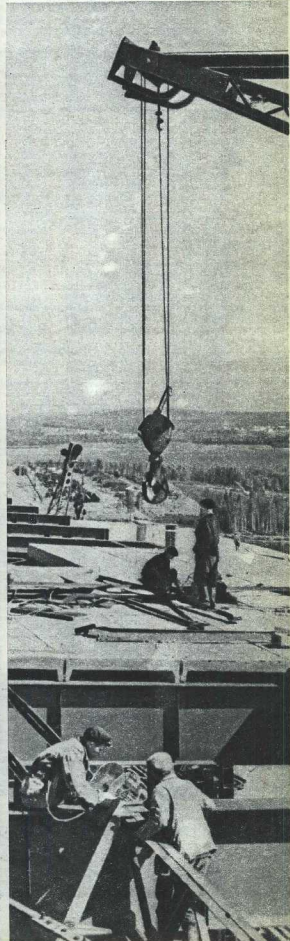
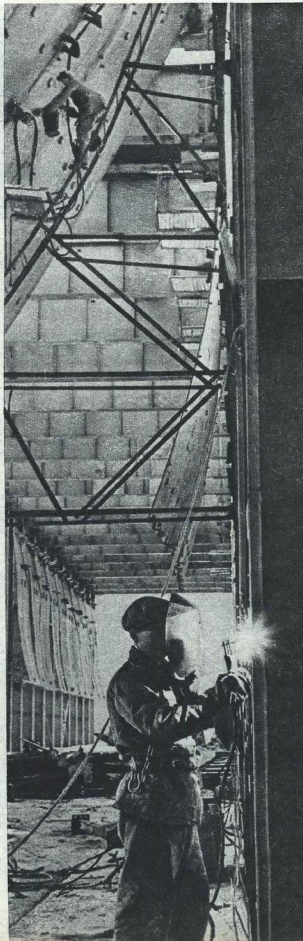
Железная руда залегают в Камчанаре не сплошными и не слоями, а отдельными гнездами. Каждый из них. Извлекать изозиним производные, строй для каждой отдельную шахту, было бы невыгодно. И тогда родился проект, стоявший двух великанов. Было решено расстрелять всю гору в порошок, а затем электромагнитными удаляющими отделить железо от камня.

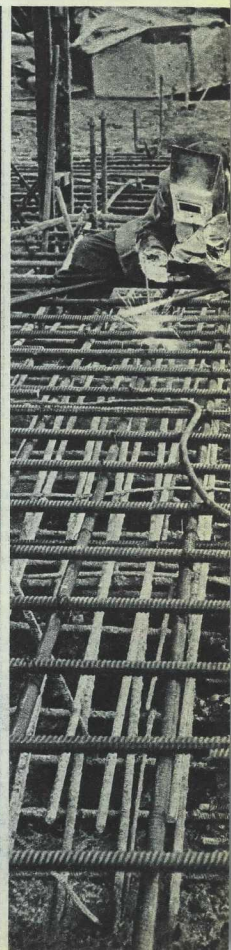
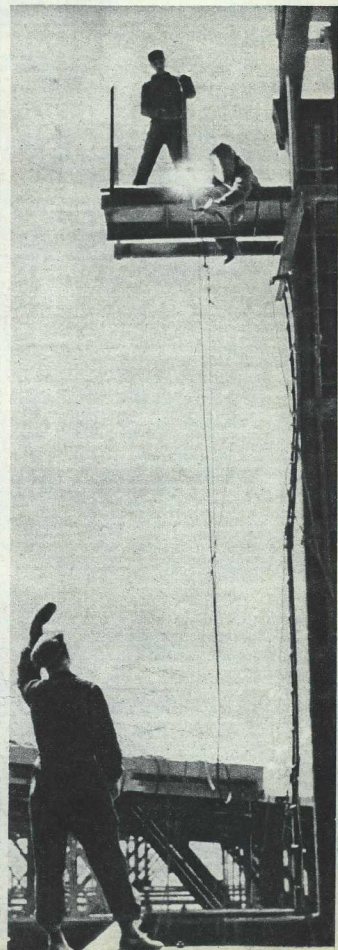
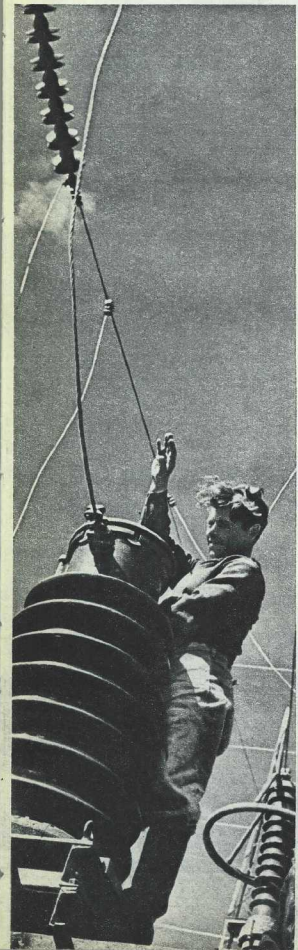
Прошло пять лет с того дня, как начал осуществляться этот замысел великанов. Летом 1957 года и подножие горы пришли пятитысяч человек, впервые назвавших себя камчанарцами.

Первые камчанарцы рубили лес, прокладывали дорожку. Затем лесорубы и дорожники сменили каменщики и бетонщики. Сменились лишь профессии, люди были те же. Стройка пошла вглубь, зарылась в складистое подножие. Но вот столбаны вырыты, фундаменты заложены, и стройка неудержимо устремилась вверх. Была главная фигура на ней — монтажники, скрупулезные, сварщики, верхолазы. Их вы и видите на этих снимках. Спросите у любого человека высотка Камчанара? И он ответит: «Вам цифру? Цифру не помню. Но, в общем, нормальная высота, нам по плечу».

Поэтично считается вершиной. Но скоро горе Камчанар придется расстаться с этим титулом. Гору сравняют с землей. Однако на географических картах Урала еще долгое время рядом с горой Камчанаром будет стоять цифра «883» — в память о горе, чейником отдавшей себя людям.

Фото В. СМЕТАНИНА.

В ПОИСКАХ "ЖЕЛЕЗОГО"

КОРОТКИЙ РЕПОРТАЖ И ШЕСТЬ ИНТЕРВЬЮ НА ОДНУ ТЕМУ

...Мы в Горьковском речном порту. Вверх по Волге идут суда, сгруженные дельем. Видя везут лес, машины, станки. Но, странное дело, в семью работающих судов очень часто окрывается суды-бедолажки.

В чем дело? Разве из Горького этим судам нечего везти?

Интервью с К. Н. МАЛАХОВЫМ, главным инженером Главного грузового управления МПС СССР

Под Казанью на обочине дороги видим грузовик с контейнерами. Судя по бортам, заглянув туда, как не разберешь номеров, машина пришла издалека.

— Откуда? — спрашиваем у шофера, мечающего баллон.

— Из Москвы.

— Зачем же в такую даль на машине?

— А вы у насхотела поинтересуетесь?

Интервью с Х. М. ЛАЗАРЕВЫМ, начальником отдела организации работ Московского управления контейнерных перевозок и транспортно-экспедиционных операций

Из Казани в Куйбышев летим самолетом. Пассажиров в машине мало.

— Интересно, чем заняты грузовые отсеки? — спрашиваем у второго пилота, зашедшего в пассажирский салон.

— А никак. Груза в порту не было.

И вспоминается, как в начале нынешнего лета летели мы из Харькова в Москву в стоместной машине, которая везла лишь одиннадцать пассажиров. В тот же день на железнодорожной станции Харьков в ожидании отправки в Москву находились сотни всевозможных грузов. Разве нельзя было эти грузы перепоручить с железнодорожного транспорта на авиационный?

Интервью с А. А. ПОЛЕЖАЕВЫМ и Н. В. ШАЛИМОВЫМ, авторами проекта новой единой тарифной системы

— Конечно, есть. К примеру, транспортно-речная леса-кружка и рудинной стойки с Севера в Донбасс наиболее целесообразна и экономически выгодна, несмотря на «перевалки» в Горьком (или в Кирове) и Таганроге, двумя видами транспорта: железнодорожным и речным. Так везти груза и дешевле, и, главное, высвобождает огромное количество железнодорожных вагонов. Однако соскам недвояко (и это, увы, уже стало традицией) из северных районов через Горький и Киров умудрились отправить по железной дороге 35 тысяч вагонов леса, которые бы вынужден переработать очень загруженный

— Факты, подобные этому, к сожалению, не единичны. Особенно увеличиваются такие ввозки в последние дни месяца, когда в погоне за цифровой планом машины отправляются на очень большие расстояния. Такая «практика» возможна потому, что каждый вид транспорта борется за «свои» показатели. Всею виной малые ведомственные интересы, отсутствие единой системы транспортных тарифов. Если ввести такую систему, никто не захотел платить за доставку груза дороже, чем можно заплатить дешевле.

Но не меньший, а пожалуй, даже больший вред принесет государству перевозка грузов различными видами транспорта. Причина гораздо глубже — в разнице тарифов. Конечно, перевозка груза самолетом обходится дороже, чем по железной дороге. Но ведь если взглянуть на дело не с ведомственных позиций, а с точки зрения государственных интересов, то лучше, чтобы самолет «заворотил» на перевозку хоть рубль, чем по воздуху вез... воздух.

Принятая у нас тарифная система, пришедшая с дореволюционных времен, давно себя изжила. Теперь работа транспорта определяется количеством перевезенного груза, а тарифы устанавливаются в зависимости от ассортимента: везешь крупу — плати одну цену, везешь ворвань — другую.

Безусловно, транспортникам небезразлично, что везти: хлопок или цемент. Но дифференцированность по ассортименту доведена сейчас до абсурда. На железнодорожном транс-

Выступая на Всесоюзном совещании железнодорожников, Н. С. Хрущев привнес факт «железнодорожного планирования перевозок, примера безхозяйственности в организации некоторых грузовых потоков. «Ищите «узкого» в данном вопросе», говорил Никита Сергеевич, — ищите, кто это делает».

Недавно корреспондент «Смены» Бор. Семенов и художник В. Недогова проехали по маршруту, которым ежедневно следуют тысячи и тысячи тонн грузов, — из северных районов страны в Донбасс. Вот что они узнали во время своего путешествия.

Московский железнодорожный узел. И в то же самое время суда по Волге шли порожняком.

Еще один пример: 10 тысяч автомашин, изготовленных Горьковским заводом для Куйбышева, Ростова, Сератова, Керчи и Астрахани, неизвестно почему планирующие органы надумали перевозить по железной дороге, хотя отправить их водным транспортом значительно дешевле.

Посудите сами: провоз одной автомашины из Горького в Астрахань по железной дороге обходится в 72 рубля, а по воде — всего 50 рублей 80 копеек.

5 тысяч вагонов с песком. И опять-таки это не единственный пример.

Днепропетровский завод имени Коминтерна систематически отправляет по железной дороге грузы на расстояние 5 километров. Завод имени Петровского гонит вагоны на расстоянии 3 километра.

Как хорошо, что для трехкилометровых перевозок нельзя использовать авиацию!

порте существует 50 тарифных схем, на морском — 76, на речном — 74. Миксирование тарифов имеют автомобилисты и авиаторы. Безмерная сложность в расчетах по перевозкам заставляет держать громадный бухгалтерский аппарат, ведет к искусственному раздуванию штатов.

Со страниц «Смены» мы предлагаем ввести новую единую для всех видов транспорта тарифную систему, при которой плата за провоз груза определяется коэффициентом загрузки вагонов, теплохода, самолета, автомашин. При перевозке цемента этот коэффициент выше, чем, скажем, при перевозке хлопка. При такой системе все типы грузов легко разбить на четыре, максимум пять классов (место 204), в зависимости от того, насколько используется грузоподъемность транспортных средств. Что касается разницы в стоимости перевозок по реке, железной дороге или по воздуху, то весьма несложно высчитать надбавки за скорость.

В волжском городе Вольске находятся цементные заводы. А в двадцати четырех километрах вверх по реке, в Балаково, — строительство Саратовской ГЭС. Стройка потребляет большое количество цемента. Везти его по реке дешево и удобно. Но цемент отправляют по железной дороге. Вместо двадцати четырех километров груза проходит пятсот сорок! Почему?

Интервью с А. Т. КУРИЛОВИЧЕМ, заместителем начальника отдела планирования перевозок лесных и строительных грузов МПС СССР

Наша следующая остановка — в Ростове. В порту и на станции Ростов-пристань — безотрадная картина. Флот простаивает в ожидании порожняка. Грузные вагоны ждут выгрузки на суда.

А в ближайшей Таганрогском порту тихо. Умло стоят мощные краны. Без дела слончются грузлики. И обою за дрым уходит в Ростов порожние суда. Из 21 судна, разгрузившиеся при нас в Таганроге, 18(!) пустыми ушли в Ростов.

Очевидно, что надо разгрузить и Ростовский порт и станцию Ростов-пристань. Почему же это не делается?

Интервью с М. Х. КОКОВЕВЫМ, начальником станции Таганрог, и С. Г. МИХАЛЕВЫМ, начальником португозного участка Таганрогского морского порта

Наше путешествие заканчивается в Липецкe, на удерной комсомольской стройке хлeбной комбината. Как раз из того района, откуда мы начали свой путь, пришла сюда два штабеля строительного леса. Перед получением груза строителям пришлось доплатить за доставку 52 рубля 70 копеек. Почему? Ведь при отпарке транспортника уже уладили 184 рубля 40 копеек.

Вопросы, которые поднимаются на страницах «Самынь», требуют немедленного разрешения. Многие здесь могут сделать комсомольцы.

Разве не под силу молодым строителям Саратовской ГЭС своими руками соорудить из старых барж и понтонов хотя бы временную пристань! Разве нельзя положить конец межведомственной перебранке, приносящей только на одном участке Ростов — Таганрог огромные убытки!

Почему бы работающим здесь не перенять методы железнодорожников и моряков из Новороссийска! Там по инициативе комсомольцев они стали работать вместе, в единых рядах. Это содержало привело к тому, что 72 процента всех грузов, минуя склады, «переваливаются» с борта корабля прямо в вагон. Такой метод позволил за последние два года увеличить выгрузку в Новороссийском порту в 7 раз. А сколько можно сэкономить, если так работать во всех портах!

Согласованность в работе различных видов транспорта даст государству экономии в миллионы рублей. Каким образом добиться такой согласованности!

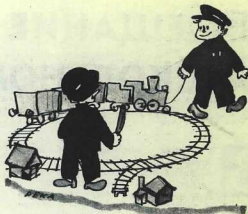
На недавно закончившемся в нашей столице Всесоюзном совещании железнодорожников Н. С. Журицев говорил: «...Координацию в деятельности всего транспорта надо приспособлять к работе глав-

— А потому, что гидростроители никак не удосужились соорудить у себя хотя бы временную пристань. Дело там коловенное: привезти старые баржи и понтоны, положить настил, поставить транспортеры. Ведь перевозка цемента из Вольска в Балаково водным транспортом в три раза дешевле, чем железнодорожным. В прошлом году потребность в вольском цемента на стройке составила 35 тысяч тонн.

Это прямые тарифно-транспортные убытки. Но ведь они гинут за собой и другие: нерентабельную загрузку вагонов, простой подвального состава и т. д. Перевозка цемента из Вольска в Балаково создает напряженность на Саратовском железнодорожном узле, и без того выполняющем огромную работу.

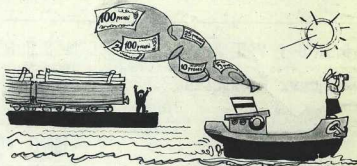
— Если из кабины самолета взглянуть на перевозку между Таганрогом и Ростовом, представится дикая картина. Из Ростова в Таганрог движутся суда с грузом и железнодорожный порожняк. Обратно идут груженные вагоны и порожние суда.

Такое положение сложилось потому, что Таганрогский порт подведомствен Министерству морского флота, а Ростовский порт и суда, работающие здесь, — Министерству речного флота. Речникам важно выполнить план в «своём» порту. И они запрещают грузить су-

да в Таганроге. План, таким образом, речники выполняют и одновременно приносят государству колоссальные убытки.

Положение можно и должно исправить немедленно. Для этого надо гранулированный шлак, который ежегодно идет из Донбасса мимо Таганрога в районы волжских городов, перегружать на воду не в Ростове, а в нашем городе. Тогда на три километра короче станет путь шлака по железной дороге. Ликвидируется стометровый пробег порожних судов, получит работу Таганрогский порт.

Интервью с И. Б. ЭЛЬШЕВИЧ, заместителем главного бухгалтера конторы снабжения комбината «Луганскхимстрой»

— Д олгалы за перевозку грузов вошли в систему. Всякий раз мы узнаем, что груз продвигался по пути больше, чем предполагалось. Но виноваты-то в этом сами транспортники. Они обязаны заботиться о том, чтобы везти груз кратчайшим путем, снижать стоимость перевозки. Однако существующие порядки позволяют транспортникам относиться к перевозкам безответственно: получатель, мол, за все заплатит.

Нынче создана Комиссия Президиума Совета Министров СССР, которая будет координировать деятельность всего транспорта. Успешная работа комиссии во многом зависит от точной информации с мест: с железнодорожных станций, из портов, с пристаней. Вот где безграничное поле деятельности для «Комсомольского прожектора!» Необходимо повести беспощадную борьбу с теми, кто пускает на ветер миллионы народных рублей, кто в угоду ведомственным «выгодам» забывает об общегосударственных интересах.

ЗАВЕЩАНИЕ ГИТЛера В БУКВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

В Кельне я был свидетелем одной личной сценки. По проезжей части мостовой под грохотом колес покатывал шаг колонны школьников. Ребята шагали с длинными палками, которые лежали у них на плечах, как винтовки. По обочине толпа верзала с военной выправкой и чиникалами:

— Линкс, швей, драй! Линкс! Линкс! Линкс! Колонна маршировала, прожиге глядели. Один беззастенчиво, другие с улыбай одобрения. Некоторые отвращались. Кто-то радом задал:

— Опять марширують...
— Да-а, — протнута другой. — Збылось, видно, как сидели мы у разбитого корота и друг другу в глаза глядеть стыдился. А теперь как же в чем не бывало. Опять вот мальчишек муштруют. — И, помолчав, добавил: — Уронил бы им учить...

Неизвестно, что жук, — отозвался прохожий в очках, с сухими, впадинами щеками.

Ведь у нас в школах не меньше трети учителей — бывшие наци.

Внешаеся господ с элегантичн тростыльзонтом.
— У вас есть дотн — строго спросил он человека в очках.

— Я думаю, вы неважный отец и плохой немец.

— Почему жет?

Господи незаметливо поднял палец.
Господи оставляет арифметику, география — географию, что бы там ни говорили. Педагог должен любить свой предмет и делать его взгляды много не касаются. Мы, слава богу, живем в демократической республике!

— Неужели?
Господи повернулся и возмущенно заverteт головой, очевидно, отсылая полицейского. Колонна тем временем прошла, прохожие разошлись.

Каждый был поглощен заботами сегодняшнего: прошлое вроде умерло, будущее туманно.

Но прошлое не умерло. Оно властно протравивает свою костлявую руку к будущему. Оно уже получило власть над вами молодых задлагоднегических граждан. Взять хотя бы учебники истории, по которому в ФРГ преподают в 5—6 классах. По этому учебнику война отведена 17 страниц. Из них 41 фактически посвящена рекламе гитлеровского режима, причем описание «изнаендательности» самого Фюрера занимает 13 страниц. К тому же эти 13 страниц появились в последнем издании учебника на том самом месте, где прежде рассказывалось о борьбе народов Европы против фашистских захватчиков.

Да что учебники! Некоторых загоднегических городов школьник, опустив в автомат монету, может снать трубку и прослушать одну из зарварских речей Гитлера. Мне пытались объяснить, что эти авторы предзнаменуются якобы для того, чтобы возбудить у подростков чувство неприязни к бывшему «Фюреру». Верится с трудом.

А книжные прилавки! Они завалены самой разнообразной страдой, которая продается по умыленно заниженным ценам. В ФРГ годовой тираж милитаристской литературы достигет 20 миллионов экземпляров! (Виллуском это занято около 100 издательских фирм.) Чего там только не накручено! Военные «подвиги» фашистских головорезов, ненависть и злоба ко всему прогрессивному, откровенная агитация вновь принятых за военных рабовой. Вот что написано, например, в популярной книжке «Малая германская география», входящей в список рекомендуемой школьникам литературы: «По ту сторону Одера и Нейсе лежат немецкие земли, которые, как с них согнали немцев, там разместилась несколько тысяч поляков. Огромные пространства некогда плодородной территории с их приходом стали превращаться в пустынные степи. Германия не может отделиться от 114000 кв. км своих земель». На издаваемых в ФРГ географических картах эти области обозначены как германские.

Извращая историю, автор многих изданий пытается даже опарить реальность. Которые сданы над гитлеровскими военными преступниками. Так, в «Новая история 1848 — 1950» стои чорт помру: «В Нюрнберге не было соблюдено никакого права». Впрочем, особенно удивляет не предвзятость, а то, что более 700 человек из авторов многих учебников и учебных изданий — бывшие чиновники гитлеровского вермута.

Загоднегерманские милитаристы обгадены до врем, которой на страницах газет и журналов публиковались интервью с двенадцью, полагавшим, что якобы отныне военных можно считать настоящими мужчинами и что «только с ними можно считать равными». Современная девушка предпочтает парней в военной форме — зывают газеты и журналы, получившие свое дело от военного министерства Штрауса. Этот записанный Гитлером дозунт принцип права гражданства. Случай в ФРГ, только по официальным данным, насчитывается несколько сотен молодежных организаций, охватывающих четверть миллиона человек. Руководители большинства из них — прошлые активные гитлеровцы. Более ста молодежных союзов, такие, как «Немецкая молодежь Судетской области» и другие, носят неприкрыто милитаристский характер. Их члены свободно проповедуют мысль о необходимости «силы» возвратит Германии потерянные земли.

В ФРГ есть силы, которые активно противостоят опасному курсу Бонна. Они — трудное это силам, загнанным в подполье, бороться за умы подрастающего поколения. Однако, несмотря на репрессии, новая смена немецкого рабочего класса идет по своему дорожку, молодым не по пути с Бонном!

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНЫ»

«ПРОБЛЕМА ДВУХ КОЛОСЬЕВ»

В «Смене» № 10 за 1962 год была опубликована статья Н. Сервова «Проблема подготовки кадров в сельскохозяйственных и подсобных механизаторских кадры для сельского хозяйства. На критические замечания так отвечают:

Председатель Всесоюзного объединения Советов Министров СССР «Союзсельхозтехника» П. КУЧУМОВ:

— Статья И. Сервова «Проблема двух колосьев» правильно отражает настроение подготовки кадров в сельском хозяйстве.

Существующие учебные планы и программы, организация практических занятий и производственной практики не отвечают новым требованиям. Они рассчитаны на подготовку трактористов-механиков машин, а не механизаторов, способных разумно использовать технику для получения высоких урожаев.

Разработанные в текущем году учебные планы и программы мало чем отличаются от планов и программ, действовавших в предыдущие годы.

На изучение сельскохозяйственных машин и технологии работ отводится всего лишь 220 часов из 235; очень мало выделено времени на изучение передового опыта Гитлаова, Святличного, Первичного и других известных механизаторов.

Плохо, что для учащихся механизации сельского хозяйства до сих пор не созданы специальные учебники.

Всесоюзное объединение Советов Министров «Союзсельхозтехника» изложило свое мнение по улучшению дела подготовки механизаторских кадров на Всесоюзном совещании работников профессионально-технического образования и в настоящее время выдвинуло на этот вопрос в Союзный комитет по сельскому хозяйству.

Член коллегии министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов УССР Н. КОЗЫРЕВ:

Ознакомясь со статьей «Проблема двух колосьев», министерство производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов УССР считает, что критика подготовки сельскохозяйственных кадров вполне правдивая.

Необходимо, чтобы изучение материальной части машин правильно сочеталось с изучением основ агрономии и зоотехнии. Ученые университетов, специализирующиеся на подготовке кадров, разработать конкретные зональные программы, согласовав их с Министерством сельского хозяйства СССР.

Заместитель министра производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов Казахской ССР П. РЫБАКОВ:

— В статье «Проблема двух колосьев» И. Сервова правильно отмечается недостаточность в подготовке механизаторских кадров. Мы считаем необходимым в связи с удлинением срока обучения учащихся специализировать подготовку кадров при разработке программ учесть зональность и специализацию хозяйства, для которого готовится механизаторы, следовательно, изучение машин, на которых будущие механизаторы придется работать.

Кроме того, в программе нужно обратить особое внимание на изучение основ земледелия и механизации трудовых работ в животноводстве.

К сожалению, редакция не получила ответа от Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию. А читателям было бы интересно узнать его мнение.

«ТОРЕЦ ИЛИ РЕМЕСЛЕННИК?»

Нам отвечает заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР тов. М. ПРОКОФЬЕВ:

— Министерство высшего и среднего специального образования СССР считает, что статья «Торец или ремесленник?» опубликованная в седьмом номере «Смены» за 1962 год, и отклик на статью, напечатанные в номере одиннадцатом, правильно ставят вопросы улучшения научной подготовки студентов, воспитания у них творческого отношения и работе по избранной специальности.

Коллегии министерства уже наметила ряд мер, направленных на создание лучших условий для развития творческих дарований студентов. В частности, будет больше времени для научно-исследовательской и творческой работы учащихся.

Предложения о развитии науки — исследовательской, проектно-инструментальной работы студентов сейчас общезначимы. На основе этих предложений будут подготовлены соответствующие рекомендации вузам.

Для решения конкретного вопроса об улучшении условий работы студенческих конструкторских бюро авиационных институтов министерство призвало соответствующие органы и на начало очередного учебного года специальные совещание с участием представителей Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию, ЦК ВЛКСМ, ЦК ДОСААФ, министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и заинтересованных вузов.

Ю. АЛЕКСАНДРОВ

Наталья БУРОВА

Вот я и встретила снова со стихами Натальи Буровой, той золотоволосой и темноголовой Натальи, которая полтора десятилетия тому назад принесла первые свои стихи в Союз писателей Узбекистана, тогда же начала печататься, поступила в Литературный институт имени Горького, а потом дружила, дружила и невестовала. И даже близкие друзья не знали, где она и жила ли. Почему это произошло... Только ли болезнь, выкидыш человека на строй, причиной этому? А может быть, тут виноваты и мы сами: ведь нередко мы бываем равнодушны к человеку, особенно

если человек тих и сиромен и не кричит о себе? Сейчас Наталья живет в Ташкенте, работает чертенокшей и по-прежнему пишет стихи. И теперь, когда эти стихи совершили путь от Ташкента до Москвы, и кому-нибудь люди узнали, какая чудесная и на земле и чтобы сама Наталья Бурова почувствовала себе цену, расправлена крылья, начала писать радостно и полагая людям новые стихи, новые книги, Дорогой пути им и читателю!

Светлана СОВОВА

Мы идем с тобой в песню

* * *

Как-то раз у дымного обоя
Друг спросил: «Откуда ты тогда,
Если ты не видела березы
И речного губчатого лада?»

Русская? Так что же тебе помнить
Желтые песчаные поля,
Душный ветерок каменилоны,
Розовые всплески минадалы?»

Из России я, но серду святы
Залитые маками бутры,
Вдоль ручьев кусты гушистой мяты,
Видушки узбекской детвора.

В снегах тебе не разделяшь дала,
В речке не разделяшь ручейки...
И живу в такой стране, где стали
Все народы, все края близки.

КОЙБАГАР

На горах теперь не слышишь мака,
И ночами слышишь волчий вой...
А ко мне опять пришла собака
С остроухой волчьей головой.
Может, ей в отаре много дела,
Ах пастух пахнет костер до слез!
Может, ей, собаке, ведомо
Подознать бодающихся коз?
Может, это вовсе не собака,
А с большой горой, где собака,
Волчий одноклассник-зайбика
Прибежал поножать огонька?
От ковыл позвякивает гора,
Кто-то едет... Двери распахнуты,
Чтоб собака, взвизгнув от восторга,
Бросилась лабушнику на груда?...
На горах теперь не слынешь мака,
Ни шагов, ни свиста, ни отар,
Никого... Пришла бы хоть собака,
Остроухий сторож Койбагар.

* * *

Мы идем с тобой в песню, если ты одиню,
Ты, конечно, расскажешь, что видела когда-то
И как же дождь похолоделась у ног
И стелкам с тяжелой шинной содаде.

Мы идем с тобой в песню. И дым от костра
За какой-нибудь миг облетит Каракумы.
Эта песня не стает от ветра быстра,
И, наверно, не будет печальными дум.

Ты расскажешь о том, как в квартате окна
Умещается небо, тоска и досад,
И как на звезда голыки в пламени видна,
И за то, что полюбишь, какса награда.

Ты научишь меня, как, видая огоньки,
Побожать напредки, приближенные ускорю,
И суметь перейти, если ты одиню,
Глубину никому не известного гора.

* * *

Не мечтается, и не спится,
И не хочется верить в судьбу.
И хочу этой ночью присниться
Человеку со ширмом на лбу!

И скажешь: «Словно светлые сантки,
Камеюют на улице ады,
И у самой дощатой канитки
Леденят собачьим следом».

Нет пристанища ветру-скитальцу,
И его не задержит рукой...
А мне надо теперь к твоим пальцам
На мигнуту прижаться щекою!

* * *

От родины моей далеко города,
И за ночь не дойти до Каракала,
Где вадвое долины расколола
Цветной полоской горная вода.

С крутой горы стекают родники,
Ветвистые кустарники колючи,
Под синей тучило мамалостной тучи
Шуршат травой курганы-двойники,
Взбирался на обветренные кручи.
Давно ли я смотрела на закат
Из глубины померкнувшей долины,
Ленила птиц из желтоватой галыны,
Тайком рвала незрелый виноград,
Что изгибался в зарослях вязяны!

Я помню, приходила к прибрежью оврагу
Безногий человек с огромной бородой
И изнакоился тихо под войды,
Ладонями разбрызгивая вагу.
Когда-то шла моя дедушка кумыс
От черной крутобродной кобылицы,
А тель большой раскрываласьштыцы
Броском к земл, проваливаясь вниз,
Чтобы опять, высматривая, взвиться.

От родины моей далеко города,
Ты хлесткие дожди и паводок обидел,
Там по ночам осматривает фляги

* * *

Сказал: «Убит у Карпатских отрогов
И там похоронен в дубовом леске...»
И мне вспоминалось: быстро бежит по дороге
Безулычатый мальчик с рогатой в руке.

А мало ли дней августовских, погожих
И им проводила, играя в песке,
И я подучивалась вождем краснокожих,
Когда приходило куваться к реке.

Мы красная красным гусиные перья,
Чтоб связать голубую повязку вождем.
Он с крупом вытормошил, расклевывал дрови,
Когда вступилась слезному дождю.

* * *

Я так жду тебя, добрая весть,
Так тревожно и тоскотно жаю,
Что и слухом могу запресть
На ананю, поляршанном ладу.

По чему, когда тихо вокруг
И простор яснающей луны,
Кто-то стучит в потемках: Тук-тук!
Да ведь это же сердце по мне.

День за днем, год за годом иду,
Мимолетом ластушка тебе...
Никакого счастья мне не ждуть
Так, как я ожидаю тебя.

СЕМІРЕЧЬЕ

Жующие под звездами стада,
И камень опрокинутый намылен
Водой, не высыхавшей никогда,
И каждый день был старого поевей,
И было много незнакомых звуков,
А дедушка казался мне сильней
Привидевшимся в снах богатырей.
Он брал в карманы сладости для вивуков
И был кутумом члестцык сыновей.

Проман года. И медленню, не дару,
Растаял знах дядюского дома,
И с каждым днем все больше недосту
О нем мечтать, а город незнакомый
Со временем становится родным...
Но в грустный час, когда дарут замолчанм
И фонари забрежжут средь туманов,
Вальст севера слабее надо мной,
И становлюсь дару маленькой, смешной,
Неотделанной от родных курганов.

Проман года. И родина моя
Необозримым зародасом прострванством,
Вопила в нее большие города.
Мне Семіречье больше никогда
Не посещать с бывалым состоянием.
Но в смертный час, когда погаснет зренья
И горе потеряет остроу,
Я на одно великое мгновение
К полузабытой хижине приду.

Он знал подземелье, где ночь и прохлада,
Места, где податанно гнется лоза,
Дуло у забора огромного сада,
Где можно припрятать четыре туза.

Мы чаше сидели на коротьках тиза,
Казалось, что лишь говорить от жары,
Мы ждали, чтобы он по-мальчишечьи лихо
Нам выкрикнула первое слово жары.

А нынче шаги по бульвару скрипящие...
Кому же сказать: не хочу, не могу
Представить, как он в дымнопоход шиндик
Лежал, леденел, на грязном снегу.

Я смотрю на карту. Антарктида... Белый материк нашей планеты. Спящий, замороженный в лед гигант чахнет по своей форме грушу. В толо его врезаются два глубоких залива — депрессии морей Росса и Уэдделла. Колосок груши полукругом выходит в Индийский океан, а восток ее — длинный язык земли Грэм — тянется в сторону Южной Америки. В центре — красная звездочка — станция Восток. Рядом отметка — 3420 метров — высота Антарктического ледяного купола в районе станции.

Я смотрю на карту. Самые противоречивые чувства теснятся у меня в груди. Я вспоминаю пережитое...

Март... В южном полушарии март — первый осенний месяц. Но на континентальных станциях Советской антарктической экспедиции — Комсомольская и Восток — температура давно упала до минусовых отметок по Цельсию. А на маленькой, прилепившейся к берегу поселок Мирный все чаще обрушиваются ураганные ветры, забрасывая его тучами снега.

Ю. РОБИНСОН,
старший штурман авиаотряда
Антарктической экспедиции

Восток
Комсомольская
Мирный

Редька — летчики...

Мы готовились к долгой зимовке. Самая тяжелая, самая сложная работа авиаотряда — длительные высотные полеты на купол Антарктиды для доставки станции Комсомольская и Восток — была окончена неделю назад. Вперед заслуженный отдых.

Воскресенье... Настроение самое беззаботное!

— Я люблю тебя, жи-и-изань... — мурлыку я себе под нос, намыливая щеки.

В дверях моей комнаты появляется командир нашего экипажа Федор Чуевков. Высокий и широкоплечий, он загоревает собой все проход.

— А, Федя, садись!

— Не время, Юра! — Что-то в его голосе застывает меня настороженно. — Завтра будет вылет на Восток.

— Шторм!

— Нет. У начальника экспедиции только что кончился совет. Нужен еще один последний рейс: отвести самое необходимое для зимовки. «Восточники» просят, правда, два рейса, но решено уложиться в один. Загружим сразу beide полуплота тонн.

На моем лице появляется улыбка жирофа.

— Знаешь, Федя, летать туда сейчас могут, на мой взгляд, только самолосы!

Федор, словно и не слышит моих слов, леконично заканчивает:

— Летчики — я и Рогов, механик — Островкин, бортидир — Соловьев. Штурманом ты!.

И тут же уходит.

Мысленно на моем лице выскользнула задумчивость. Из задумчивости меня выхватывает телефонный звонок командира авиаотряда Бориса Осипова. Он сообщает обо мне известное мне

решение совета и спросил, согласен ли я летать.

— Какая так сегодня температура, Борис Семенович?

— В этом-то все и дело. Минус шестьдесят два! Так ты как? Полетишь?

— Что ответить? Лететь в такой мороз? Но отказываться!

После разговора с Осиповым я пошел в комнату к Чуевкову.

— Когда вылет?

— Ты температуру смотри!

— Видел! Когда вылет?

— В три, перед рассветом!

Утро... Под крылом самолета плывет снежная поверхность ледяного купола Антарктиды, освещенная яркими лучами утреннего солнца. Купол сегодня, как никогда, привлекателен. Только присядь, и он обещает открыть множество секретов ледяным панцирем тайн.

Очень хочется верить в его добротность. В кабине самолета тепло, и никто из нас не чувствует ледяного дыхания Антарктиды. Воздух удивительно чист и прозрачен. В боковое окно мне хорошо видны уплывающие назад изгибы береговой черты. Совершенно чуждый, поймавший взгляд астронавта, как бы поднимает мне, улыбаюсь:

— Не волнуйся, штурман, мы на курсе, все будет хорошо!

...Порядк девяносто километров белой пустыни. На станции Комсомольская посадка и заправка. Нужно взять горючего на весь путь до Восток и обратно до Комсомольской, так как на Восток горючего нет. Заправляемся из бочек.

Высота три с половиной тысячи метров, температура минус 60 градусов дает себе знать. Руки оттаиваются, воздуха нет, му-

роз обжигает легкие. Наконец заправка окончена. Горючего только-только, запаса почти нет, машина и так перегружена.

Через три километра бежит тяжелый самолет по накатанной высокогорной полосе. Небо высушает нас ледяной материк в небо.

— Убрать шасси!

— Есть убрать шасси! Погасили зеленые лампочки сигнализации. Я вижу, как подтягивается под мотогондолу левая лыжа. А правая? Нет, правая не убирается. Снова и снова выпускаются и подносятся на уборку шасси.

Но правая лыжа беспомощно зависает под крылом: мороз сделал свое дело — лыжа висит!

Это все. Это значит, что нужно возвращаться. Опущенная лыжа увеличивает лобовое сопротивление самолета. Чтобы не улететь, чтобы сохранить необходимую скорость, моторам необходимо повысить режим. Резко возрос расход горючего. Нам просто не хватит, не хватит его на обратный путь с Восток до Комсомольской. Видно, не судьба! Как жаль, что сорван этот великолепный полетный рейс!

Я смотрю на затылок командира и жду, когда он повернет. Он молчит.

При такой низкой температуре еще никто не летал. Конструкторы самолета гарантировали безопасность полета лишь при температуре минус пятнадцать. А сейчас на термометре — 62 градуса. Тут может случиться все. Мороз может так стянуть фюзеляж (элементарный закон сжатия металлов), что произойдут просы упрямления или деформируются отдельные детали. Все может произойти...

И происходит: из строя выходит

бензиновый обогреватель, нагревающий в фюзеляж горячий воздух. В кабине быстро устанавливается температура минус 62 градуса. Я вижу, как края капюшонов на куртках ребит покрываются снегом. Теперь их лица, как у святых на иконах, окружены белым ореолом. Иной густым налетом садится на брови и ресницы, ледяной коркой покрывает лицо. Мы медленно, но уверенно превращаемся в сосульки.

Я смотрю на застывшую вперед, у штурвала, белую статую, в миру именуемую Федором Чуевковым. Он сидит нахлоставшись, в своем кресле, упрямо устремив взгляд вперед. Его неподвижный затылок, эта медлительность начинают меня раздражать.

Я протискиваюсь в отсек пилотов. Его стеники и потолок покрыты белым налетом. Приборная доска стала толще мохнатой и белой — в кабине, а гипсовый скелет.

— Когда повторчатся будем? — спрашиваю я бодро и чувствую, как фальшиво звучит эта бодрость. Чуевков поводит глазами в мою сторону.

— Замара, что ли?

— Немного. Я бы сказал, свежо! Он усмехнулся.

— Замара, выходит, зря! С шерстью было бы теплее.

— Ты не шерсти, о горючем подумай! И, кстати, о том, что техника в руках дикийер — чрезвычайное происшествие!

Он спокойно поскрипел на меня.

— Не горячись, Юра. Завтра остановка может сложиться еще хуже. Вернемся — завтра кому-то все равно придется лететь. Понял!

Я ушел. Мы продолжали лететь на Восток. Летели вопреки всем

законом и, как мне тогда казалось, вопреки здравому смыслу.

Нечего под крыло станция. Она встречает нас все теми же шестьдесятью двумя градусами мороза. Рассказывая об этом, бесполезно — это надо пережить!

Быстро, на одном дыхании, разгружаем самолет. Передвигаясь из рук в руки последний ящик с консервационными фруктами, командир подходит ко мне.

— На пути сюда мы сожгли половину горючего. Обратная пустая машина должна полететь легче. Как думаешь, дотянем до Комсомольской?

Я смотрю в сторону. Что ему сказать!

— Амораль, долетим, может, нет. Если нет, то прошу на моей надгробной плите начертать эпитафию: «Его похоронил друг!».

Федор усмехается и, покосившись по плечу, откидывается похлопываясь с «восточниками».

Снова мы в воздухе. Лыжа не убирается — вист, Мороз в кабине прежний. Купол начинает куриться поземкой и танечкой по мере того, как солнце катится к горизонту. Над ним светлеет густая дымка. Где-то там, впереди, в этой белой дали, в пятистах километрах от нас, затерялся среди снегов станция Комсомольская — восемь бочек спасительного бензина, чтобы дотянуть до Мирного.

Горючее! Как быстро тает оно в баках! Страновнику уже в четвертый или пятый раз спрашивают меня:

— Юра, когда же станция! Я замерз, мне трудно даже разговаривать. Возле мне механика мне хорошо известно. Если мы, не дотянем до Комсомольской, усадимся в снежный пух белого плато, то нашим родным вскоре придется прослушать извесный марш Шопена.

По расчету, до станции еще десять минут.

Я вижу, как на приборной доске тревожно загорается четвертая красная лампочка: дорабатывается горючее в последнем, четвертом баке.

Десять минут — это десять долгих лет ожидания! Летчики прилипли взглядами к стеклам пилотской кабины. Где же ты, станция Комсомольская! Где! С каждой секундой, с каждым оборотом винта сокращается разделяющее нас

расстояние. С каждой секундой, с каждым оборотом винта уходит из баков горючее...

Красные лампочки! Нет, это уже не свет сигнализации. Это четыре-пять лампочек и яркой газовой к нам в заморозженную кабину заливает жестокий гигант — ледяной купол Антарктиды. Он хочет увидеть, как превратит свою песьню моторы, как останутся догасы винтов, как посыплются вниз, падая на его грудь, побежденная машина и сложенный борьбой экипаж.

— Пойскай! Пойскай! — превращающийся от волнения голос.

— Шасси!
— Есть шасси!

Вспыхивают зеленые лампочки — есть шасси...
Завтрак — и снова скворец в воздухе. Впереди движется километром, впереди Мирный! Лыжа опять висит, обграватаи беднействуют, не чинится округлять гудящую крылу.

Разве забудешь такое! Мы один в этой черной морозной мгле носимся куда-то в пространство над бескрайней ледяной пустыней. Под нами, совсем рядом, неслышно белый страшный купол. Он обживает нас ледяным дыханием. Его морозные котги впадают мне в тело.

Я замерз окончательно. Мозг живет одной напряженной мыслью: «Голово дотянуть вниз, к морю... где тепло... где мигнуть двадцать... а не шестьдесят... Дотянуть!»

Нет больше сил. Меня охватывает оцепенение.

И тут я повлел устремленный на меня светлый взгляд командира. Пөлешивание губы его говорит мне: — Держись, Юра! — Он переводит взгляд на друга: — Держись, ребата! Веди мы летчики! Негнущимися пальцами беру штурманскую линейку и сплюснваю над картой. Сквозь ночь и мороз летят наша машина, опускается лыжу, как подбита птица. В баках ве быстро тает горючее, но оно уверенно приближается туда, где маяничем светом, прорезая тьму антарктической ночи, сияют злые огни Мирного. И держится в воздухе оно не гулом моторов, не небгающим встречным потоком воздуха, в алой и мужестве удивительного человека — советского летчика Федора Чученкова.

Знаменитый герой войны 1912 года умер 9 января 1918 года. Последние годы жизни его бесновали старые войны, все-таки он много времени уделял общественным работам, благоустройству родного края. По его инициативе в Новочеркасске были построены гимназия, библиотек.

Платов, по натуре человек очень деятельный и живой, не любил тратить время на всякую мелочь. Когда сам он принимался, ему легче было выматывать два сарангина, нежели сестра за «неинтересную», от которой у него «вертел в голове». Знал автор, что Платов и я были приятно удивлены, обнаружив недавно в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГИА СССР) в Фонде генерала С.С. Гринина, участника Отечественной войны, письмо Платова, датированное одно из последних писем прославленного В. А. Жуковского в его «Воронинской голубишке» вкратце-такими. В нем он высказывает свои мысли относительно отписания войны 1812 года, вичного в «Воевом журнале», высоко оценивает патриотизм русского народа.

Подпись, о котором упоминается в письме, был совершенно разным лейб-гвардии канцелярского полка Афанасием Ефимовым. В середине письма, датированного 4 октября 1813 года русский воин издал горю своево генерала, чтобы отличить на себе огни неприятеля и дать возможность моментально захватить схему расположения войск про-

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ВИХРЬ-АТ ТАНА

Ваский, что попал в Ленинградском Британие, наверняка обратил внимание на портрет Платова работы английского художника Джорджа Лоу.

Открытое, простое, чисто русское лицо, дерзкий взгляд. Человек большой воли, незаурядного ума, необыкновенного бестрашия. Художнику удалось очень верно передать характер знаменитого героя.

«Историком французского революционного войска» называл И. И. Кутузова Платова. И эти слова великого полководца были лучшей наградой атаману и преданному им доносному войску за их подвиг в освобождении России от Европы от наполеоновского инашествия.

Знаменитый герой войны 1812 года умер 9 января 1818 года. Последние годы жизни его бесновали старые войны, все-таки он много времени уделял общественным работам, благоустройству родного края. По его инициативе в Новочеркасске были построены гимназия, библиотек.

Платов, по натуре человек очень деятельный и живой, не любил тратить время на всякую мелочь. Когда сам он принимался, ему легче было выматывать два сарангина, нежели сестра за «неинтересную», от которой у него «вертел в голове». Знал автор, что Платов и я были приятно удивлены, обнаружив недавно в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГИА СССР) в Фонде генерала С.С. Гринина, участника Отечественной войны, письмо Платова, датированное одно из последних писем прославленного В. А. Жуковского в его «Воронинской голубишке» вкратце-такими. В нем он высказывает свои мысли относительно отписания войны 1812 года, вичного в «Воевом журнале», высоко оценивает патриотизм русского народа.

Подпись, о котором упоминается в письме, был совершенно разным лейб-гвардии канцелярского полка Афанасием Ефимовым. В середине письма, датированного 4 октября 1813 года русский воин издал горю своево генерала, чтобы отличить на себе огни неприятеля и дать возможность моментально захватить схему расположения войск про-

тивания. Каково был почти на верную смерть. Он был тяжело ранен, но как бываеет с людьми, сильными духом, выжил.

Вот что пишет об этом Платов: «Поздн назван Ефимовым, живо и прекрасно изображен; он представляет характер и дух народного чувствительный в бою... Без хвастовства силен... что подобно... неустрашимым богам по милости творчей край нашей прошедшей война с французияи открыта тому опыту, гораздо разительнее еще сего...»

Армия Наполеона была разбита действительными навазми при Баренцах, Мире, Романове. Они устраивали противнику засады в самых неожиданных местах и наносили решительные удары. Тактика навазов настолько распрострала корпус братья Наполеона — Фернана Вестраляского, что рассерженный император отстранил его от командования.

Сразу же после Воронинского сражения Платов обратился к казанам и повел их в поход против захватчиков. В очень короткий срок без приала северу и Москве выступило 10 тысяч воинов. Кутузов, увидев пополнение, со слезами обнял Платова.

Когда началось отступление отступления, Платов был поручено следить за движением неприятеля. Обращено шло на эту задачу, он не успел случая вынести как можно больше критичнейших. Иаэкий величия в неприятеля так много стужа, что одна часть об появлению заставляла наполеоновские отряды постыдно симкаться с бивалом и производила отступление. Наполеон писал тогда: «Все наши колоны окружены казнями; подобно армянским в пустынях, они охватывали себя!».

Оxfordский университет подал Платову дворянскую саблю в золотой оправе, украшенную гербом Великого русского героя. В корневом джорте портрет Платова, написанный одним из лучших художников, явил сам Платов. В его портрете войной мик Платова был увековечен лучшим живописцем.

Я. ТИНАЕВА,
младший научный сотрудник
ЦГИА СССР.

Поларные летчики Ф. ЧУЧЕНКОВ (слева) и П. РОГОВ на станции Комсомольская.

Фото автора.

Господин Ванесс досаждает: и что это ему пришлось в голову делать пристройку в своем доме? Оставя! Дни стали короткими, к тому же политическая обстановка обострилась, ему плохо спится,— он опять няня алжирцев, таких которых, не имея другого помещения, ночует в бараке возле самой виллы.

Вилла расположена вдалеке от других домов. Так строились в прошлые дни, в те дни, когда господин Ванесс сторонился женщины. Ему было только сорок лет, когда умерла его первая жена, Андре. И господин Ванесс вдруг понял, что уделая ей слишком мало внимания, бузачи целиком поглощен делами. Правда, ему сопутствовал успех, он собрал порядочный капитал и был спокоен за будущее. Он мог бы сказать (и любил это говорить), что на терри вранчани дачером. Особенно пять последних лет: война и восстановление хозяйства страны немало создавали его процветание. Но они с женой почти не бывали вместе, хотя и любили друг друга. Андре тоже вносила лепту в их дело: они жили в городе, и пока он строил гаражи и ангары, она хлопотала у огромной витрины мастерской модных нарядов. У Андре работали три швей-ученицы; почти каждый год она наминала новых, и только Ева оставалась в мастерской. Она стала подружкой Андре и своим человеком в доме. Ева было тогда лет двадцать пять; она жила со старшими родственниками в замком домике на задворках какого-то завода. Она была мечтательной, работа была вечно не по ней, и жизни, казалась, проходила мимо нее. Поэтому, наверное, она и не вышла замуж. Часто Ева оставалась по вечерам болтать с Андре, по воскресеньям приходила запросто в гости. Телевизоры тогда еще не появились, но у них была радиолка с проигрывателем и киноаппарат пластинок. Андре любил читать и приходила Еву к чтению. До смерти Андре господин Ванесс относился к Еве дружески, был всякой примеси каково-нибудь иного чувства. Потом она продолжала бывать в его доме и даже помогала в мастерской и магазине. А когда пришла любовь, то господин Ванесс решил по-новому устроить свою личную жизнь. Он купил участок на опушке леса, в добром километре от шоссе и ближайших городских домов, и построил виллу в современном вкусе, с центральным отоплением. Виллу оставили новой мебелью и устали коврами. Ева хозяйничала, а он наладил свою работу так, чтобы пореже отлучаться на дому. Вскоре они обзавелись телевизором. По воскресеньям они уезжали на машину в дальние экскурсии, иногда в Бельгию. Осматривали соборы, ратуши, каналы, остатки укреплений, знакомились с памятниками старины в музее. Оба они были не Бог весть какими знатоками истории, но господин Ванесс все-таки разбирался в ней. Они обходили в дорогих рестораничках, которые тоже казались древними. Так они прожили пять лет и были безмятежно счастливы. Эти пять лет останутся для господина Ванесса лучшими в жизни.

Но последние времена господина Ванесса начали преследовать чувство некоторого разочарования. Ему всегда хотелось иметь детей. С Господи детей у него не было, и с Евой, к сожалению, тоже, хотя она и разделяла с ним это желание. С легким и сердцем у Евы было неладило. В 1952 году, после пяти лет совместной жизни, она впервые ушла без чувств. Ей надо было набрать усталости, волнения. Она стала бледнее, и по контрасту ее волосы казались еще чернее, а глаза— еще больше. Это нисколько ее не портило, но господин Ванесс чувствовал, как хрупок ее здоровье. Сам он по-прежнему был крепок, жизнелюбив, любил громко смеяться, гулять, хохотаться, вкусно есть, не прочь был и зайти. Теперь, находясь с женою, он испытывал какую-то неловкость, старался обращаться с нею как можно ласковее, нежнее, тем более, что его все еще не покидала надежда иметь от Евы ребенка.

И вот сейчас их ожидания как будто сбывались, Ева может, слыши-

ком поздно... Доктор думал, что не ошибся, хотя еще не был уверен в этом полностью. Теперь надо еще больше заботиться о Еве, и ее положение всякий пусяк мог привести к немаленьким последствиям. Да, он и завтра затеял перестройку виллы!

Господин Ванесс не хотел бы прекращать начатые работы, но постоянный шум раздражал Еву. Вдобавок кругом грязь, так как почва глинистая и несколько недель дождя, так что из варады. Грудами продолжили возить глубокие колеи, полные воды, как на деревенских проселках. По несколько раз в день машины уезжали, обычно на одном и том же месте— перед гаражом. Чтобы их вытащить, приходилось засыпать колеи, бросать под колеса хворост, а мотор при этом рвал воясь. Ночью же не давало покоя присутствие алжирцев. Никогда нельзя было обойтись без них на земляных работах: другие, даже итальянцы, запрашивали слишком дорого. Да и алжирцы уже не те, что прежде. Вчера под тем предлогом, что на других строительных багастов, они тоже прекратили работу. Узнав о том, что происходит в Алжире, они стали кахалаче, хотя и не показывают вида. Напрасно господин Ванесс успокаивает себя, говоря, что его эти события не касаются. Как-никак, он с 1925 года извлекает прибыль из этих бродяг, не считая того, сколько он вложил в цементные заводы на их родине. Настранные алжирцев вечно изменились, их недоброежелательность бросается в глаза. А разве можно спокойно жить в атмосфере, насыщенной ненавистью? Не говоря уже о том, что ночью в такой пустынной местности всегда возможна какава-нибудь пакость с их стороны...

Али один в бараке. Мохаммед и Мессауд ушли ночевать в городе. Али лежит, но не спит: еще рано, только восемь часов, и ему всего двадцать лет. А может быть, ему не спится потому, что холодно и хочется есть. Он сел ломать черствого хлеба и аблэко. От аблэко ломит зубы, а он и без того озаб и промок до костей. Он усеб, чтобы согреться, воспользовавшись одеялами Мохаммеда и Мессауда. Они донесли ветки и издранил, как и его одеяло, но все-таки под ним тепло— или просто чувствуешь их тяжесть?

Глаза Али широко открыты. В бараке темно: электричество туда не провели. Чтобы посмотреть кругом, надо зажечь свичку. Но у Али нет никакой охоты глядеть на развешанные мокрые лохмотья, тяжело от прилихших штакеток глины, на дрявые башмаки, на лопаты и заступы в углу барака, хотя они и чистые: их вымыл дождь. Барак подлерт по углам каминкам винку остаются щели, сквозя которые, просачивается мокрая глина. Тюфяк Али лежит прямо на земле, у самой стенки, и не дает глине затеять под него.

Али лежит молча. Из хозяйского дома не доносится никаких звуков. Господин Ванесс уехал после обеда на своей новой машине. Али ожидает его возвращения с минуты на минуту— хозяин редко приезжает поздно. В сущности, Али доволен, что в соседнем доме нет никого, кроме хрупкой, маленькой госпожи Ванесс. Не то чтобы она была лучше муже: Али совсем ее не знает. Она проходит мимо алжирцев, не здороваясь, и как будто боится даже смотреть на них. Но все-таки Али чувствует себя свободнее, легче, знает, что хозяина нет дома.

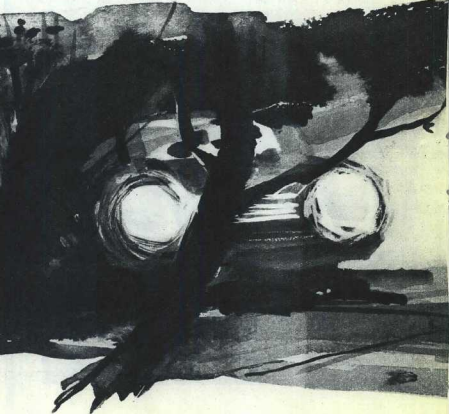
Али думает... Он думает о своей стране, о своих родных, которым он посылает три четверти того, что удается заработать. Каждый франк на счету. Али экономит на всем. Лишь бы выдержал! Лишь бы не свалиться! Каждый день он стремится к одному— дотянуть до вечера и лечь. Лишний день— и то хорошо! А скоро... скоро! Тут Али начинает мечтать о родине. Это отвлекает, помогает забыть, не чувствовать голода, сверлящего внутренности. Али— как пустая бутылка, ничего-

Андре СТИЛЬ

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО.

ПОСЛЕДНИЙ
ВАНЕСС

РАССКАЗ

шени в нем нет. Али не испытывает ни слабости, ни прилива сил. Он не помнит, когда был слит. Может быть, за его слабостью таится сила, которой он сам не знает.

Вечером Ева стало плохо. Целый час она болела, что вот-вот «зот преодолит». Все же она не решилась позвонить доктору Феррану, думая, что как-нибудь потерпит до приезда мужа. Где это он задержался? Он никогда не возвращался домой так поздно.

Надеясь увидеть свет фар от его машины, Ева поднялась на второй этаж, откуда было видно шоссе. Потом она вздухла сапоги вник. Но не успела она поставить ногу на первую ступеньку лестницы, как «зот» случился. Ева упала с высоты, являющейся ей рост. Лишь на повороте лестницы, почти у самого ее лица, падение прекратилось, причем Ева сильно ударились плечом о стену. Она лежала на ступеньках голыми вник; платые зарделось, ноги обжались.

Придя в себя, Ева не в силах была шевельнуться. Спина страшно болела. Ей было ясно, что она умирает. Неужели она не дожидается мужа и умрет здесь одна? Позвать на помощь! Но близость никого, кроме аллиреца. Да и хватит ли у нее сил позвать! Несмотря на уверенность в близости смерти, она несколько мгновений колыхалась, прежде чем закричать. Наконец она осознала все ужас своего положения и решилась.

Али помудилось сквозь дремоту, что кто-то зовет: — Помогите!

Нет, не прислосило! Ему в самом деле послышался крик. Он быстро вскочил; сердце его сильно билось. Поискал спички, но руки дрожали, да и некая была медальна. Он ощутно нашел ступень, но башмаки куда-то запропастились. Натягивая штаны, Али напряженно вслушался, не послышится ли зов опять. Он вышел из барака босиком, осторожно открыл дверь, чтобы она не закрипела.

Что случилось? Может быть, он проспал возвращение хозяйки? Может быть, хозяйка зовет на помощь, борясь с мужем? Если это так, как поступить Али?

Быстро, но бесшумно он приблизился к дому. Тишина. Малюсиа везде опущена. Али был у входной двери, когда Ева позвала опять — тише, чем в первый раз.

— Сейчас, госпожа! — откликнулся Али. Но дверь заперта, замок нечеловеческий. Он замателась вокруг виллы, но все окна и двери были закрыты. Только одно окно — уборной — было без железной решетки, но оно находилось слишком высоко. И Али не был уверен, сумеет ли подняться на руках, если даже достанет до края окна. Он принес иеричий, навалил их у стены, и наконец ему удалось, разбив левым стеклом, пролезть в окошко. Ева позвала снова на тот раз ее едва было слышно.

Али нахвев ее, опустился рядом на колени, увидел, что она еще жива. Он боялся дотронуться до нее, боялся всего, что могло произойти, боялся этого дома, нагугу запертого изнутри. Он проговорил: — Госпожа...

Ева открыла глаза, но осталась неподвижна. Али увидел, что она тоже боится. Не спуская с нее взгляда, он робко дотронулся до ее плеча. Глаза Евы следили за его рукой, но не выражали ему страха, не говорили: «Незлая!» Другую руку Али просунул под колено Евы, осторожно приподнял ее и посадил так, чтобы она опиралась спиной о стену. От пронизывающей боли Ева чуть не потеряла сознание.

Али хотел было позвать на помощь, но понял, что это бесполезно. Телефон находился не здесь, а в кабинете господина Ванесса. К тому же мысль о телефоне не пришла на ум Али: ему никогда не приходилось им пользоваться. Все, что он мог сделать, — это попытаться отнестись к шоссе. Правда, движение по нему не совсем оживлено, особенно в такой поздний час, но все же могла проехать машина. Увидев, что женщина умирает, ее отвезут к врачу. Это было единственная надежда.

Али взял Еву на руки, спустился с лестницы, прошел коридор и хотел выйти из дому. Но он забыл, что дверь заперта, и выдвинул положить свою тяжелую ногу на пол, чтобы дважды повернуть ключ в замке.

Уже сходя с лестницы, почувствовал, что вряд ли будет в состоянии помочь женщине до шоссе. У него было слишком мало сил. Он шел спотыкаясь, его босые ноги скользили по глине, потому что каблуки как не были ни расстерны, но смутно понимал, что приключившееся несчастье грозит бедой и ему. Он ничего не видел, кроме огня на шоссе. Но до них еще двести метров. Быть может, жена хозина уже умерла? Нет, она никогда слеза стоило. Али отвечал:

— Госпожа! Госпожа!

Ему пришлось остановиться и положить Еву на траву у обочины. Он уже так устал, что плохо сознавал, что делает. Мысли его путались. Он был уверен, что женщина умрет через несколько минут, если не дойти с нею до шоссе, если не достать ее туда, где ее могли бы спасти. В нем росла злоба против господина Ванесса, а вместе с ней какое-то мрачное удовлетворение. В конце концов, что виноват в том, что он так слаб!

Али снова поднял свою ногу.

— Госпожа! Госпожа, а здесь! Три раза он опускал Еву и снова поднимал, пока, задыхаясь, не добрался до шоссе. Пот заливал ему глаза, мешал смотреть. За все это время не проехало ни одной машины. Быть может, придется долго ждать! Ева как будто еще дышала. Он снова поднял ее и пошел в город. Ити босиком по асфальту было тяжело.

Но ему пришлось еще дважды останавливаться, чтобы передохнуть, и каждый раз казалось, что дальше нести Еву он не сможет. Непопутно, как у него хватились сил против такого расстояния! Али плакал от сознательной своей беспомощности. Он уже не знал, куда Ева позвонит его; теперь он сам знал ее, стоя на коленях на краю шоссе, где уже не было травы, а только кучи мокрого шлака. Она отмахивалась слабым стоном.

— Я не знаю, как быть... — сказал ей Али.

Вдруг он вскочил. Шла машина! Правда, из города, но ведь она может взять больную и вернуть назад!

Господин Ванесс не любил возвращаться так поздно. Он вообще не любил ездить по ночам один, особенно в пустынной местности.

Не любил он и проезжать через этот перелесок и всегда страшивший себя: что делать, если на него ночью нападут! Здесь еще куда ни шло, но несколько раз, во время летних поездок, он испытывал сильнейший страх. Так было, когда он проезжал по Камарте, а потом в Альянах, там, где разбойники Лор (это было через несколько недель после наущившего преступления). За каждым камнем ему чудился бандит...

Вдруг в свете фар на самой середине шоссе появилась высокой женщины в белом. Руки его были распростерты, рот широко открыт. Несмотря на холод, он был в распахнутой на груди рубашке, босиком, с непокрытой головой и расстрелянными волосами.

Сначала господин Ванесс резко затормозил. В руках у этого человека ничего не было. А вдруг это сумасшедший? Подъехав ближе, господин Ванесс увидел, что перед ним аллирец. Быть может, он даже узнал Али, услышал, как тот что-то закричал.

Тогда господин Ванесс отпустил тормоз и без колебаний колесной нажал на другую педаль. Он изо всех сил вцепился в руль, как будто в нем было его спасение.

Машина обо что-то ударились, что-то потянула вперед собой, потом что-то подняла... Господин Ванесс хотел было снова затормозить, но то, что мешало машине двигаться, оказалось, уже не под передними колесами, а под задними; потом всякое сопротивление движению прекратилось. Он obbligенно вздохнул, перестав крепко сжимать руль и откинулся на спинку сиденья. Что греха таить, он струсил... Теперь, слава богу, можно съехать с шоссе на дорогу, ведущую к его вилле, вернуться домой и посмотреть, не пострадала ли дичина. Впрочем, утро вечера мудренее.

Перевел с французского Валентин ДМИТРИЕВ.

Миллионы на ветер

Учить-то учили...

С молодыми агрономом Зинаидой Мамонтовой я познакомился на Могилевщине, в колхозе «Победа». Было это мгливский неслий. Показ только что успев счиститься от снега, крупном стола неспропалая грязь, и крестьяне с нетерпением ждали дня, когда солнце хоть немного пообещает земле...

На центральной усадьбе, у амбаров сутелись люди, шумела зерноочистительные машины. Готовились семена для предстоящего сева. Где-то далеко-далеко за околдией, в стовниках на отшибе мастерских, гулели тракторы. Словно желая показать, что за зиму они основательно окрепли, набралась сила и теперь ждать не дождутся приказа ринуться в битву за урожай. В правлении артели тоже было пусто. Только за письменным столом сидела белокурая девушка. Она внимательно рассматривала большое помпозное карты и что-то записывала в тетрадь. Это я была Зина Мамонтова.

— Председатель? Он в УТС. Да и вообще никого нет. Все заняты подготовкой к полевым работам, — сказала Зина, не отрываясь от карты. — Одна я, видите, засиделась в конторе... Карту закладки удобрений на поля составляю...

— Стратегия уроков разрабатываете?

Зина подняла голову, улыбнулась.

— Ну, стратегия, может быть, громко сказано, ну а то тактику — это точно. Ведь очень важно знать где в каких удобрениях не хватает, чтобы вовремя внести их. А для этого нужен циркулярный анализ почв.

— Ну, тут вам и карты в руки... В институте-то вас научили этим премудростям...

— Учить-то учили, — глумливо вздохнула Зина, — да вот не все так в жизни получается, как в учебниках.

— Почему?

— На первый взгляд, тут все очень просто. Вот почвенная карта, на ней все показано — где у нас песок, где глина, сероземы. Беря и руководствуясь ею. Только по возрасту эта карта — моя ровесница и совсем не отражает нынешнего состояния почвы. А почва — это ведь живой организм, состав ее меняется. Вот посмотрите, здесь значится, что сто двадцать гектаров земли в районе деревни Барсуки закислены. Всякий знает, что их надо известковать, иначе и ждать некуда выскок урожая. А почва — стоишь, сколько надо на гектар центнеров известки? Да или три? Я заметила в этом году заметил туда два центнера, но если спросить меня, почему два, а не три, я не отвечу. Как агрономы, совершенно без-

оружия. Никаких приборов для агрохимического анализа почв у меня нет. Вот и вношу удобрения на авось, вслепую... Как же я могу урвать плодородные земли, руководить борьбой за высокие урожаи, когда сама не знаю, чего просит почва!

Миллионы на ветер

Сотавания на отсутствие приборов я слышала не только от Зины, но и от многих других агрономов. Помню, как один из них, молодой паренек, с которым я встретился на Оршанщине, говорил:

— Что бы вы сказали, если бы к большому пришло, врач без градусника и стетоскопа! Почему же мы не имеем нужного нам агрохимического оборудования! Почему колхозники специально лишены возможности провести на месте хотя бы самые простейшие анализы не только почв, но даже и мочола!

Я не зналась, что ему ответить. Только вспоминаю старинную народную посьно:

Ноль не знаешь поля,
Где ты сеешь семя,
Вырвется лишь горе,
Трудя побегнет, время.

Не так давно я побывала в колхозе «Луч», Московской области. Здесь всегда сидели много картошки. И каждый раз вывозили на гектар по восемь центнеров дорогостоящих калийных удобрений. Но урожай оставался низким.

Тогда колхозники обратились в сельскохозяйственный институт. Оттуда приехала бригада специалистов, вооруженная агрохимическими приборами. Провела исследования. Оказалось, что калийные удобрения приносили только вред почве.

А вот другой случай. В подмосковном совхозе «Большевик» всегда считали, что земля здесь кислая, и топами вызволяли в поле известку, а урожай не повышался. Когда же проанализировали состав почвы, выяснилось, что известку, бедняку е...

И все эти примеры далеко не единичны. В Почтовом институте Министерства сельского хозяйства СССР подсчитали, что не менее третьей части всех минеральных удобрений, которые закупаются на поля колхозов и совхозов страны, расходуется впустую. Третья часть минеральных удобрений идет не на повышение урожайности, а выбрасывается на

ветер. Пять миллионов тонн — вдвое больше, чем покупат в этом году все колхозы и совхозы Белорусии!

А кто подсчитает убытки от низких урожаев, полученных только потому, что ценные удобрения были внесены на поля неправильно!

Почти тысячи агрономов, зоотехников, механиков трудятся в сельском хозяйстве. Это поля научная армия. Ей по плану те задачи, которые поставила перед сельским хозяйством партия. Они справятся с ними. Надо только им помочь, создать условия для плодотворной работы, обеспечить их предметами первой необходимости. И в первую очередь научными лабораториями.

Возьмите промышленные предприятия, шахты, стройки. На многих из них имеются свои лаборатории. Без этого сейчас немыслимо. Ну, а колхоз, совхоз и другие крупные предприятия, без науки здесь тоже не обойтись.

Но пока никто не позаботился об обеспечении агрономов приборами. А без приборов они становятся «бойцами без оружия».

Неужели ждать 30 лет?

Есть у агрономов хороший друг, профессор Иван Федорович Гоулебу. Много лет он работал над созданием такой лаборатории, которая бы была бы и портативная, и дешевая, и содержала все, что нужно агроному.

Днем профессор читал лекции, а вечерами засиживался в крохотной мастерской. Его труд не пропал даром. Шесть лет тому назад Иван Федорович создал такую лабораторию. Началось ее испытание. Где только не успела она побывать! Путешествовала она и в село Калиновку, Курской области, была она и в подмосковных совхозах имени Московского и имени Тельмана. Известна и другим другим колхозам и совхозам и везде завоевала добрую славу. Много писем получал профессор. Пишут ему из Краснодара и Кипшевине, из Ленинграда и с Алтая, из Куйбышев и Пскова. Агрономы благодарят, просят помочь приобрести лабораторию.

Пока эти письма остаются без ответа. Что может сделать старый профессор! Разве организовать производство этих приборов в массовых масштабах в мастерской-маалотке!

Те же, от кого это зависит, и в ус не дурут. Правда, на Дмитровском электромеханическом заводе организована выпуск лабораторий, но в год там делают всего около двух тысяч. Если производство и дальше будет идти такими темпами, то все колхозы и совхозы будут обеспечены лабораториями лишь через тридцать лет!

Неужели еще десятилетия придется ждать лабораторий белорусскому агроному Зине Мамонтовой и десяткам тысяч ее коллег! Неужели до тех пор не будет превращено напрасное расходование миллионов тонн удобрений! Конечно, терпеть это нельзя. Надлежит партия и правительство приняла восстановление о помышении роли специалистов сельского хозяйства. В нем говорится, что агроном теперь должен стать активным организатором производства. Кто же позаботится об агрономе, кто обеспечит его «предметами первой необходимости» — агрохимическими приборами?

Думаю, что в первую очередь об этом должно позаботиться Министерство сельского хозяйства СССР, ответственное за нерасторжко народного хозяйства на основе передовой науки. Многие знают и от Госплана СССР, планирующего выпуск лабораторного оборудования по заводам.

Проблема назрела давно. Пора по-настоящему бороться за ее разрешение!

Анатолий РОМОВ

Фото В. МИШИНА.

СЛЕГ ОБРЫВАЮТСЯ У МОРЯ...

История, рассказанная офицером пограничных войск

[Продолжение. Начало см. «Смену» № 15.]

В р а г

С моря дул свежий зимний ветер. Шумели сосны. Он сидел на скамейке в пустом парке на взморье и курил, разглядывая бурозеленую поверхность моря с белыми пятнами пены. Три свитера, надевшие один на другой, и добротная зимняя куртка делали этот прозрачный от холода день теплым, приятным, даже уютным. Здесь, в огромном, заросшем соснами и кустарником парке, не было сейчас ни души. Только он один.

Вот и все. Его дела в этой стране окончены. Можно уходить. С него хатит. Ему уже тридцать семь. Быстро, удивительно быстро прошло время!

Когда ему было восемнадцать, здесь были немцы — на этом взморье, в городе, разле на этих пограничных постах. Везде. Какое это было время!.. Какое время!..

Он выполнял задания по укреплению порядка. За это хорошо платили. Это была настоящая жизнь. Он так до сих пор и не может поверить, что все рухнуло...

Он не ушел с фашистами — остался. Но, боясь расправы, он сменял ням и переехал в соседний город. Он стал жить здесь, в И.

Сначала он устроился на завод, в отдаленном районе. Первое время боялся, что его выведут. Потом успокоился и жила, затаив ненависть.

После завода работал на железной дороге, в порту, в магазине. Нет, он не зря пробыв здесь, эти семнадцать лет... Он ждал своего часа. И дождался...

В профкоме предлагали туристские путевки за границу.

— Есть желательнее! — громко спросила председатель профкома. — Останься еще три путевки!.. Случайно или не случайно, но он был в это время в комнате.

— Есть! — сказал он и удивился, как легко и охотно ему дали путевку. Ему казалось, каждый догадался, что у него на уме. Но никто ничего не сказал.

Вернувшись из туристской поездки, он охотно и расчетливо взялся за дело. Один раз за всю жизнь ему представлялась такая блестящая возможность отомстить и одновременно заработать большие деньги. Он стал ездить по побережью, в соседние города. Кто ему мог помешать? Те, кто знал его со времен войны, давно уже или умерли, или забыли о нем, да и сам он сильно изменился. Он ездит, записывает, заговинял. Прислушивается к разговорам.

За эти семнадцать лет он изучил побережья, каждый изгиб берега, каждый причал в И. Годы не прошли даром. Теперь осталось одно — перейти границу, и тогда... Он недобро улыбнулся.

Нет, конечно, миллионеров он не станет. Но за те свадорня, которые ему удалось собрать, он получит солидный куш. Сумму, о которой он не мог мечтать даже во время войны.

Он снова посмотрел на потемневшее море. Сейчас все его мысли сосредоточились, сконцентрировались на одном — уйти, уйти. Во что бы то ни стало и как можно скорее. И пусть ест один. Морям. Только морям...

Он передернул плечами. Декабрь все-таки давал себя знать: холод пробил три свитера и куртку. Но теперь можно уходить из парка. Он не зря просидел здесь несколько часов. Теперь ему ясно, как перейти границу. Путь его будет начинаться здесь, у этого песчаного берега. Хорошая смоленская лодка. Подвесной мотор. Он у него заготовлен давно, мощный, безотказный.

Но главное — он решил, когда нужно уходить. Это будет в праздник. В большой праздник, когда все будут дома, когда даже черт не захочет высунуть нос на улицу, а тем более на море. Это будет в ночь под Новый год.

Недаром его считают счастливым человеком. Ночь под Новый год, мощный мотор и немного удачи — вот все, что требуется. Отсюда рукой подать до того, другого берега, где его с радостью примут.

Впрочем, зачем ему берег? Отсюда несколько минут ходу до международной трассы торговых судов. Только выйти из зоны, мигнуть фонарем — и тебя возмрут на борт. Несколько минут — и все.

Человек, сторбавшись, медленно шел из парка, держа руки в карманах. Все-таки было очень холодно...

В дозоре

О том, что враг рядом, мне рассказывал Михаил Борисович Марьянич. Встретился мы случайно... Кончался короткий зимний день. Я стоял на мостике и гляделся

в знакомые очертания берега, встающего на горизонте. Мы возвращались на базу.

— Прошу разрешения закрыть радиометрическую катушку, говорит мне старшина второй статьи Баландин, художник, смуглый парень.

— Закрывайте.

Баландин скрывается в штурманской рубке.

Старшина Баландин — мой земляк. Он радиометрист-виртуоз и в то же время... мечтает о карьере филолога. Штурманский электрик, одесит Гнатюк — талантливый художник. Я видел его картины, написанные на корабле. Но по призыву он актер, и все уже решено. После службы он поступает в ГИТИС, а пока занимается в драматической студии Дома флота. Я присматривался к ним, к этим ребятам. Трудно разгадать человека сразу... Правда, в море это лече. Море — как лакмусовая бумажка.

Мне кажется, это настоящие парки. Может быть, иногда горячие, иногда упрямые. Но надежные.

Старшина Владимир Иванов — акустик. Старшина Вячеслав Соловьев — радист. Старшина Виктор Пантюхин — рулевой. На них можно полагаться.

Однажды во время утомительного, напряженного дозора вышел из строя дозорщик. Наш корабль сразу стал слепым...

Прошло три часа, а Баландин и матрос Карников, его помощник, все еще возились у дозорного. По инструкции они не были обязаны это делать. Серьезные поломки

исправляются специалистами на берегу. Но Баландин и Кариков помнили, что мы в дозоре...

Я знал, что оба отослали шестикоробку в бухту, и предложил им пойти отдохнуть. Они попросили разрешения остаться.

Еще через десять часов Баландин и Кариков все так же, осуществляя тот же ритм работы, забавлялись, заменяли детали локатора, проверяли узлы. И снова — на этот раз уже командиром — было предложено отправить ремонт к отряду. Они снова попросили разрешить им остаться.

Был сильный шторм, корабль качало к бoku на бок. И все-таки они добились своего. К ночи следующего дня локатор заработал. Двадцать семь часов — ни минуты отдушки. Управлял ребята. До чего управляли!

А несколько часов спустя, когда мы пришвартовались и хотели идти на берег, Алексей Дмитриевич, увидев на берегу, предположив, офицером соберется в каюту. Мы поняли: случилось что-то серьезное.

— Только что получено сообщение — Командир внимательно оглядел нас. — С этого дня надо усилить наблюдение за надводными целями. Особенно мелкими. Придется осмотреть каждую портовую флангу, или попутку, или моторку. В нашем районе готовится переход границы. Значит, товарищи, особенно мелкие цели.

Мы прекрасно поняли смысл этих слов.

Через несколько дней корабль зашел в Х... порт на побережье, где мы часто заправлялись водой и горючим, и в тот самый порт, где я впервые ступил на борт своего корабля. Здесь находится штаб погрангруппы, и мне надо было обязательно командира передать бумаги в пункт сдачи. Начальник политодела пригласил меня присесть и, отвечая на мой-то телефонный звонок, сказал в трубку:

— Подполковник Марьянич слушает...

Марьянич? Стоп! Я ведь не раз уже слышал это имя. Ну, точно. Ведь у моего отца был друг — пограничник по фамилии Марьянич. Михаил Борисович Марьянич. Только он не был подполковником.

Значит, лейтенант Минивич — задучником говорит подполковником. — Скажите, вы не сын Владимира Минивича?

— Да, — ответил я. — А вы Михаил Борисович Марьянич?

...Я сижу за столом перед подполковником. Я рассказываю все по порядку: как окончил училище, как получил назначение, как прибыл сюда...

— Ну, а как служил? — Михаил Борисович внимательно смотрит мне в глаза.

Я не знаю, что ответить: разве обо всем рассказавше, — и отделываю ничего не значащим:

— Все нормально.

Подполковнику Марьяничу не нравится мой ответ. Он хочет что-то сказать, и в этот момент раздается стук в дверь.

— Да-да, — резко берет подполковник, глядя мимо меня на дверь.

— Капитан Свиридов! — докладывает дежурный.

— Да, пусть входит, — быстро говорит Михаил Борисович. — Сиди, сиди, — останавливает он меня.

Молодой капитан подходит к столу, вопросительно смотрит на меня.

— Говорите, Михаил Борисович, я в командировку. — Показывает. Капитан Свиридов — лейтенант Минивич. — Он медлит, потому добавляет с улыбкой: — Потомственный пограничник... Пусть слушает, ему будет полезно.

Мы знакомимся. Свиридов кладет перед подполковником фотокартку. Михаил Борисович разглядывает фотокартку, потом говорит мне:

— Видел когда-нибудь этот? — Нет, — отвечаю я.

— Вот, полюбите! — Он протягивает мне фотокартку. На меня глядит ничем не примечательное, сухое, невыразительное лицо. Только у правой брови, на виске, небольшая черточка — то ли дефект фотографического отпечатка, то ли шрам.

— Андри С., он же Николай Ч., — говорит Свиридов. — Родился двадцать пять годов, так время войны находился здесь в Прибалтике. Служил у немцев. Потом остался. Жил здесь безвыездно. За прошедшее время ничем особенным себя не проявил. Ездил в туристскую поездку за границу. Там получил задание. Сейчас хочет выбраться.

Несколько секунд мы сидим молча.

— Вот так, Володя. — Подполковник смотрит на меня. — Значит, враг...

— Значит, враг... Я впервые в жизни понял, что это значит. Враг приносит ненависть и опасение. Опасение за города, за улицы, за каждое дерево, за детей на прогулке, за дождь в Удальной...

Враг где-то близко, где-то совсем рядом. Ходит, говорит, дышит, покуривает в кассе сигареты, сидит в автобусе.

Враг мерещится мне на каждом шагу, он доминал меня на вахте, снится во сне...

— С болью ощущал свое бессилие.

Новогодний гусь

Наверху, на мостике, сирость, мороз, ветер. И все-таки мы стоим здесь, молча вглядываясь в темные окрестности знакомого родного прибрежья. Вечерний дождь. Только человек, прошедший несколько суток в штормовом зимнем море, может понять, какое это блаженство — вернуться домой, в уют дозора. Нам кажется, это был самый трудный дозор. Ведь труднее в этот год уже не будет. Ведь сегодня 31 декабря. Нам полагается: Новый год встречаем дома...

В квартире шум, веселье, суматоха. До двенадцати осталось полчаса — и тут повзвонил я! Володя Черевик и Лев Пугачев, увидев меня в перднюю, кричат: «Ура!» Пригоров неумолимо:

— Премде нам показаться дежурному, штрафую!

— Подождите, дайте снять шинель!

Так и не успев отогреться после похода, я встречаю Новый год. Дверь чей-то выскочила, кто-то жестово тнуится себя. Перезвон кремлевских курантов.

— С Новым годом, товарищи!

— За тех, кто в море!

— Это замечательно — сидеть за

гражданским столом, смеяться вместе с друзьями, отвечать непонятно на расспросы о походе.

— Теперь танцевать! — Танцевать и мы уже вместе божим откровенно. Видно, кто-то опоздал. Ребята кричат:

— Готовь штрафную!

Я открываю дверь. За ней — расспросы и мы уже вместе божим откровенно.

— Прошу разрешения обратиться... Лейтенант Минивичу, Пугачеву, Черевяку срочно явиться на мостик. Приказ командира порта.

Высказываем из подъезда, натягивая на зуху шинели. Косой мокрый снег ронзает по лицу. Божим, сидим по тротуару, божим что есть силы...

Возле проходной мы сталкиваемся с двумя-тремя офицерами, успеваем спросить на бегу:

— Знаем, как и вы... Видно, я море...

Вот и корабль. Встаю на мостик. Там уже стоит Соня.

— Откуда?

— Да! — кричит он, как будто я его не слышу. — Идем на поиск.

— Поиск? Чего ж мы медлим!

— Измотанный командир в ту...

Измученный командир огромная фигура. Какой-то гражданский. Пригает на корабль...

— Алексей Дмитриевич! — кричит мне.

Командир уже на мостике. Он в штатском костюме, видно, не успев переодеться. Наклоняется к микрофону, говорит:

— По мосткам стоять... Со швартовов сниматься...

Мы уходим, так и не дожидаясь ответа. Каждая секунда на счету...

От соседних причалов отходит несколько кораблей.

Сразу же по выходе из порта нас встречает крупная волна... Резкий поворот.

Мы идем на поиск. Это первый поиск в моей жизни.

Из соседнего порта передано сообщение: нарушена граница. Ушел моторот. Надо задержать его до тех пор, что он ни стало. Это и называется поиск...

Нас кладет с боку на бок. Я стою, крепко сцепившись с левер. Алексей Дмитриевич наклоняется, чтобы критич мне на ухо. Сквозь рев ветра и шум моря с трудом различаю:

— Слышите, штрафной... первый раз...

Только тогда я понял, что это значило: такого шторма здесь не помнит давно...

Все время мы ведем поиск. Безусловно. Камениты, мы обшарили биноклями и прожекторами каждую волну. Наступило утро, а корабль все шли, непрерывно меняя курс.

Днем было получено приказание — окончить поиск.

Мы идем на базу. Я стою наверху, рядом с командиром. Только что дождь отбойной волной, свободные от ват матросы могут отдышаться. Корабль по-прежнему кладет с боку на бок. Но это меня не удивляет. Меня удивляет другое: почему я не свалился из устойчиво прутье там же, на мостике!

— Эх, штрафной! — с улыбкой оборачивается ко мне командир.

Я улыбаюсь, как ему удается раздвинуть замерзшие губы. — Вы только представьте себя, штрафман, какой был гусь!

— Какой гусь, Алексей Дмитриевич! — не понимаю я.

— Как какой Свадебный! Я ж на свадьбе был тамадой! — Он порываешься спиной к ветру, расклевывает штурманом. — Свадебный и Новый год сразу. И я — тамада. А гусь, эх, штрафман, какой гусь!.. Редостный гусь! И вот — беру я его за крыло, поднимаю нож...

Делать я уже занят и сам. Рассказываю прощай к леверу, командиру как раз в тот момент, когда он резал гусь.

Наконец мы швартовались на базу. В этот вечер навестит и уже окончательное. Идем к дежурному по части, потом сидим в каюте командира. Можно идти на берег. Мы узнали, что нарушения границы были в каюте командира, что граница нарушена. Моторот, который, как предполагалось, похитили разрушить, найден сегодня утром у берега, недалеко от порта. Его прямо сорвало волной и унесло в море...

Я вспоминаю все, что пришлось нам вынести этого ночью. Значит, зря выглядел! — слышавший и меня...

— Как какой Свадебный! Я ж на свадьбе был тамадой! — Он порываешься спиной к ветру, расклевывает штурманом. — Свадебный и Новый год сразу. И я — тамада. А гусь, эх, штрафман, какой гусь!.. Редостный гусь! И вот — беру я его за крыло, поднимаю нож...

Делать я уже занят и сам. Рассказываю прощай к леверу, командиру как раз в тот момент, когда он резал гусь.

Наконец мы швартовались на базу. В этот вечер навестит и уже окончательное. Идем к дежурному по части, потом сидим в каюте командира. Можно идти на берег.

Мы узнали, что нарушения границы были в каюте командира, что граница нарушена. Моторот, который, как предполагалось, похитили разрушить, найден сегодня утром у берега, недалеко от порта. Его прямо сорвало волной и унесло в море...

Я вспоминаю все, что пришлось нам вынести этого ночью. Значит, зря выглядел! — слышавший и меня...

Соня смотрит на меня удивленно.

Алексей Дмитриевич отвечает на сразу.

— Послушайте, штрафман! — Он делает вид, что копается в столе. — Запомните раз и навсегда: на границе ничего зря не бывает.

Мы молчим.

— Эх, штрафман! — неожиданно хлопает меня по плечу Алексей Дмитриевич — если бы вы только видели, какой это был гусь! Замерзшие пальцы...

Я виновато улыбаюсь.

Через пять минут мы сподим на берег.

Мы идем спать...

Враг уходит...

Андрис, сдерживая дыхание, следил за выходящим ледником. Он трюно за удаляющимся огнемом палирсы случайного прохожего. Снял перчатки, поудл на пальцы. Переволок финку во внутренний карман.

Как ему повезло тогда, под Новый год! Все было приготовлено: лодка, мотор, сигнальный фонарь. Глядя было грехомная черта, а значит, заводил движок — и концы в воду...

Что случилось в ту ночь в море, он не знает. Но он точно видел на горизонте ходовые огни пограничных кораблей. Нескольку раз полонсуд прожектор, выхватил из темноты приборный паласк. Ясно было только одно: перекод границы придется отложить...

Андрис снова надел перчатки, быстро спустился вниз. Отлаужившись, стараясь не стучать по тротуару, подошел к магазину. Вынул самодельную отмычку...

Покупателям, подошедшим утром к меховому магазину на Парковой улице, пришлось уйти ни с чем. Магазин был закрыт.

Внутри, у прилавков и кассы, сотрудники угрозыска заканчивали осмотр. Были пылевые салфетки, фирменные следы, разбитое стекло кассы, следы...

— Первый раз, видно, работайте. Увидели, как ему удается распечатать пальцы? — неукротно...

Общая сумма ущерба была определена в три тысячи рублей новыми деньгами.

На другой день к вечеру из уг-

В открытом море. Сближаются пограничный корабль и подозрительная шхуна. Второй слева — капитан III ранга А. Д. Пьянков.

розыска позвонили в штаб погранотряда и в местные органы госбезопасности. Было высказано предположение, что Андрис С. и человек, ограбивший меховой магазин, — одно и то же лицо...

Его искали по всему городу. А дни шли...

* * *

Жизнь снова улыбалась ему. Если раньше он еще сомневался, что перейдет границу, боялся слезки, то теперь все менялось. Снова — в который раз! — он засовывал руку в карман куртки, ощущая ладонью увесистый сверток. Денег! Много денег! С ними ничего не страшно. С ними в его распоряжении все: поездка, самолеты, гостиницы, такси, рестораны... Он не волнуется с деньгами. Захочет — и сводит же улетит. Куда угодно. В Ригу, например. Оттуда легче уйти: там много иностранных судов. В крайнем случае можно пробраться на одно из них. Надо только быть осторожным — максимум осторожности!

— Стоп!

Шофер такси резко затормозил. Андрис, не глядя, сунул ему бумажку, вышел, хлопнул дверью. Машина, развернувшись, умчалась назад. Он огляделся.

Здесь, в пригороде, все спокойно. Спрятавшись за вязы, дремлют дачные коттеджи. Она живет в одном из них, его старая знакомая. Что ж, можно звонить к ней, пока она ничего не знает...

* * *

Сообщение о том, что Андрис сидит в небольшом пригородном ресторане «Взморье», пришло с опозданием. Приехавшей поздним вечером в пригород олергруппе пришлось выслушивать сбивчивый рассказ официанта:

— Ушел минут пятнадцать — двадцать тому назад. — Пожилой официант нервно теребил салфетку.

— Васильченко! — быстро приказал Свиридов. — Мотоцикл и машину — в обе стороны!

— Есть! — Васильченко кинулся вниз.

— Значит, минут пятнадцать — двадцать, — продолжал официант, в углу за тем столиком, в углу.

— Сидел?

— Нет, с девушкой... Сидел недолго, часа два... Поесть заказывал, ну и выпить взял... Немного, правда. Денег тратил осторожно... Пил, танцевал... это все, как водится... Потом вдруг — счет, говорит. Расплатился быстро, ушел.

— Куда поехал, не заметил?

Официант сунул салфетку в карман, пожал плечами.

— Нет... Наверно, в город — большая некуда...

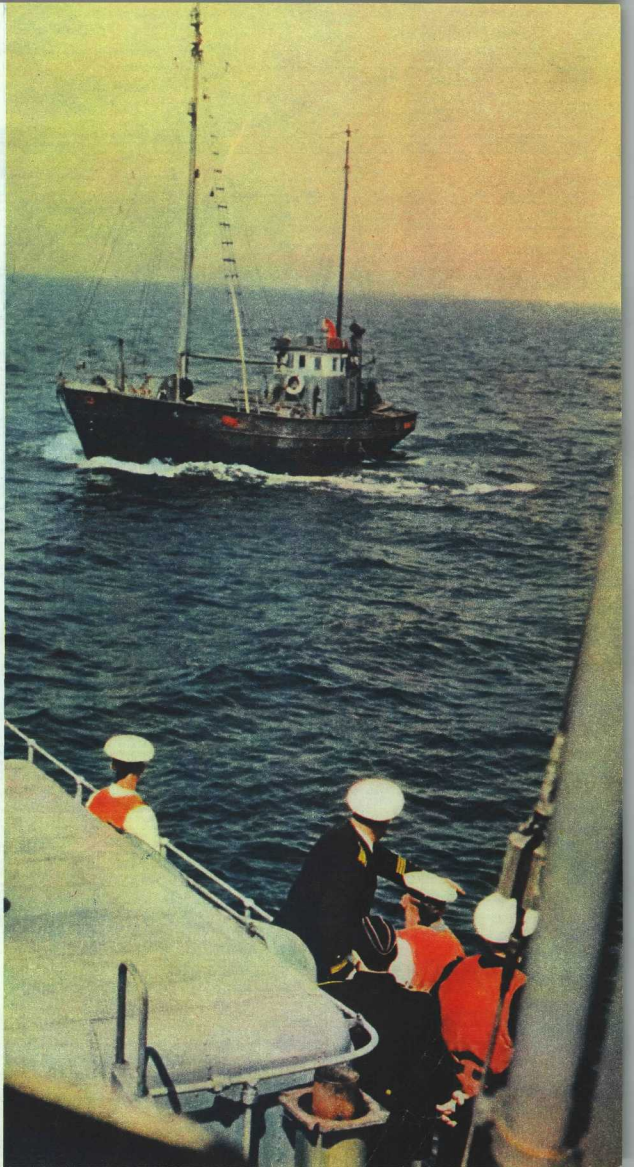
— Где у вас телефон?

— На первом этаже, у директора...

Неприятное дело — сообщать по телефону о неудаче. Правда, оставалась последняя надежда — Васильченко.

Но поиски тоже ни к чему не привели. Андрис снова исчез...

(Окончание следует.)

Когда пишут о Камбодже, чаще всего вспоминают два города — Ангкор-Ват и Пном-Пень. И это понятно. Именно сюда устремляется весь приезжий люд в Ангкор-Ват — величественнейший памятник несравненного архитектурного искусства древних цивилизаций, таинственный мертвый город, лишь недавно обранный жизнью, владениями не более семи веков. А Пном-Пень — это столица новой империальной Камбоджи, блистательный фасад страны, ворота в ее будущее.

Но Камбоджа — это не только храмы Ангкор-Вата и кинотeatры Пном-Пени. Это большая страна с многочисленным населением, с тысячами поселков и десятками городов. В них, пожалуй, можно более отчетливо разглядеть сегодняшнюю рвань страны, ее радости и сегодняшние заботы. Вот поэтому мне и захотелось рассказать о поездке в город Баттамбанг, куда ранее полагалось ездить, а о трех встречах, о трех беседах.

Итак, Баттамбанг.

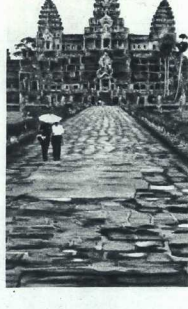
Семь часов утра. Слышится утренний выстрел в воздух с вышек своих контор, перед флагами. Радаует сигнал, и люди замирают в стойке «смирно». Губоватиль учреждения поднимают государственный флаг Камбоджи. Так начинается рабочий день. После полудня служащие снова встречаются во дворе и после церемонии стука флажка разойдутся по домам.

Через полчаса после подъема флага мы приехали и губернатору провинции Баттамбанг. Но было уже поздно. Он уехал по делам. Не нашли мы и его заместителей. В обширных залах столою много стульев. Они были пусты.

— Сегодня выходящей день? — спросил я.

— Нет. Все чиновники вместе с заместителем губернатора воле раинд, — ответил дежурный секретарь.

Улицы от рынка до вокзала со-

Тысячелетний храм Ангкор-Ват — гордость Камбоджи.

всем недавно имела безотрадный вид: избитая грунтовая дорога, дичи заросли высокой травой, дым с зеленой водой. На улице с ползати и заступали в руках трудящихся кенчоты люди.

— Это городские чиновники, — сказал сопровождавший нас служащий. — А вот и заместитель губернатора Лау-Нгуон.

К нам подошел молодой человек в военной гимнастерке. Рукава высоко зашучены, лацканы прикрашены грязью, на лице — струйки пота. Приветливо улыбаясь, он промолвил обычные в таком случае слова:

— Здоровать за руку не могу. Выдете. Каждую субботу вот так работаем. Нашу субботу. Строим дороги и вокзалы.

Лау-Нгуон показал рукой в сто-

рону работающих людей. Улица была раздвинута на узкий. У каждого из них была табличка с надписью: «Иоллерид, «Суд», «Горбон», «Камеос учреждение в городе должно было привести в порядок определенный участок. Улица на глазах мнила свой вид: посреди нее вырасали тротуары, а по краям — тротуары, отделенные от остальной столичной канализации.

Вот так работаем по всей стране, — говорил Лау-Нгуон. — Руководитель нашего государства Самдеи Сакхниний повелел начинать приобщение чиновников к физическому труду. И сам он участвует в таких работах. Наши служащие строят дороги, мосты и тис, непоют оросительные каналы. Люди работают с удовольствием, потому что приносят этим пользу и государству и себе. У нашей страны нет лишнего средства. И даже такой труд чиновников облегчает жизнь народа.

Чиновники, сменявшие перо на лопату, и встречал в разных частях страны. Власть старалась прирвать населению уважения и физическому труду. Камбоджа — монархия. Строительство новой жизни невыслымо в ней без ломки пережитков феодализма.

Позже в Пном-Пени я разговорился на эту тему с господином Пунг Пенг Манг (она была в то время министром труда и социального действия).

— К физическому труду, — сказала она, — у нас отнеслись с любовью. Строительство страны, поучившись в школе, не хотели работать в деревне. Мы воспитали.

Потворительное обращение и главе государства Народному Сиакуу.

мость риса в наших деревнях очинилась в лучшей случае крестьяне собирают по одной-полторы тонны риса с гектара. А ведь нам нужно много риса. Урожай в мае — июне посея и только в январе-апреле.

Мы беседовали на усадьбе. Мисс Чхут, показав поля, которую совсем недавно были во властности болот. На них зевались различные сорта риса, гибриды, выращенные директором станции.

И используя опыт Советского Союза, — продолжил он свой рассказ, — особенно в осушке болот, и вообще в гудис у наших ученых, а также и у японских агрономов. Телари гибридные сорта на станции дают до девяти тонн риса с гектара, а местные — до шести.

— Это на станции. А как на крытых полях?

— Крестьяне тоже получают риса в четыре-пять тонн с гектара, — до шести тонн риса с гектара. И понаудит савана охотню. В поле работал трактор. Сотни километров проехали мы по стране и почти повсем не встречали сельскохозмашинных машин. Выки, соха, заступ, серп, ручи челевель. И все!

Нам ни щедра камбоджинская природа, но и риса все меньше дает земля людям. Каждый год все тот же сорт риса, на том же участке поля. Без машин, без передовых методов агрономии, без удобрений и эта богата земля не сможет дать то изобилие продуктов, и это богатство страны.

Доброе, нужное начинание положила старания агронома Чхута. На образцовом участке, в нескольких километрах от станции, он заложил Дел Ххут. Широкий двор весь уставлен велосипедом. Сюлько

К. ПЕРЕВОЩИКОВ

Фото автора.

ВРЕМЯ РАБОТЫ

авая в них уважение и сельскому физическому труду. Теперь и место чиновника заваял мечта техник людей, не спавает их от работы. Ноторий они гушались. Убедитель и похвалю.

Лау-Нгуон поехал с нами, чтобы показать город.

На окраине Баттамбанга — обширные участки. Далено, почти к самому горизонту, тянутся рисовые поля. Таких высоких и густых всходов, таких плотных колосьев, набухших крупными зернами, еще не видел в Камбодже. Это были поля пригородной станции.

Рбота, которую мы ведем, — начал свой рассказ директор станции Ххут, — имеет большое значение для страны. Вы видели, как там много делаются настоящие рис и как он нужен им. Урожай-

учеников, стельки и велосипедов. В Баттамбанга нет ни автобусов, ни такси.

Директор школы Син Хонг с удовольствием стал рассказывать нам о своей школе и развитии народного образования в стране. Нольдид принаделенно государству. Ученики здесь ничего не платят за обучение. Мыслимо не извлекать от них никакого вознаграждения!

Ну, что же. Намине знакомство с новым классом, — сказал директор и открыл дверь в классную комнату.

Какого не было мое удивление, когда я увидел за партами первоклассников — юношей и девушек восемнадцатилет лет. Они выгладели не теми же старыми своими лет, но юге молодежь взрослеет довольно рано. И это было не девичий школь. Обназывая, в Камбодже принята французская система обучения в начальной и средней школе. Дети начинают учиться в двенадцатом и заканчивают школу в первом классе. И совершенно французской оказалась не только система обучения, но и ее содержание. Когда я говорю ни сожаление, то имею в виду французскую монархальную, но прогрессивную культуру.

Мировую историю, например, преподает учитель-француз на французском языке, но французские учебникам, написанными, скорее, для того, чтобы извратить истину и пошатнуть уважение для метрополии света.

Нам учитель и учитель рассказывают о захвате Камбоджи францией? — спросил я.

— Сообщается только дата

Новый рынок в Пном-Пени.

«присоединения. — ответил мне. — И вообще национальная политика Франции упоминается вскользь».

Что же еще может рассказать французской молодежи о добрый колониаторами? В нем ни слова о том, как мушкетерам зачинала свою независимость Камбоджа, как гибель от рук колониаторов пушила сама страна. Зато много говорится о «цивилизаторской миссии колониаторов в заселенных ими странах».

В последние несколько преподавателей-французов. Страна ищется в учителях. Эту нужду охватывает и Франция, где нет недостатка в безработных. Разные люди встречаются среди таких учителей. Они идут разнотельно с желанием просвещать камбоджийцев, другие интересуются только легким заработком, третьи хотят верой и правдой служить той Франции, которая господствовала в Камбодже, «своей» Франции. Среди учителей немало и высокомеров католической церкви.

Урок английского языка. Его ведет французинка. Случаюно улыбась, учительница говорит:

— Мой английский не очень правильный. Может быть, и учащиеся делают ошибки...

Однако говорила она не так уж плохо. И писала правильно. Четверг булавки ее рукой на доске была выведена фраза: «Очень весело в хорошем летнем на праздники рождества Христова».

Текст уроков подбирается не случайно. И конечно, здесь не обошлось без вмешательства преподавателей христианской религии. Они, представители католической церкви, ведут неустойчивую борьбу за души людей, стремятся отвлечь от религии страны — сл отвлечь, религия страны — сл отвлечь, и почитать себе массам камбоджийцев. Католики для этого не брезгают никакими средствами: засылают в Камбоджу ионанские под видом медицинских специалистов для работы в больницах, организуют школы-пансионаты для детей замечательных родителей — не терпят ни одной возможности, чтобы засорить мозги своей пропагандой.

Страной Советов. большевиками колониаторы гугали их отцов и матерей. Сейчас люди не верят этим сказкам, хотя у многих еще большая путаница в уме.

— Едят ли у вас рис?
— А лето у вас бывает?
— Сколько платят у вас за учебу в школе?
— У вас тоже все учатся на французском языке?

— Что такое колхоз?
— А можете вы послать своих учителей преподавать у вас русский язык?

Начальники и серьезные, путанные и лсные — все эти вопросы говорили о живом интересе молодежи к своей стране. Эти юные камбоджийцы — граждане независимой страны. Их отцы и братья сбросили ярмо французских колониаторов. Но борьба с колониализмом на этом не закончилась, учащиеся колледжа Зал Кхут сталкиваются с ним ежедневно, на уроках и после них. Им предстоит справиться с типичными наследиями колониального режима — экономический отсталостью, провалом настоятельные попытки колониаторов установить контроль над их духовной жизнью. Самое главное, что и увидели в Баттамбанга, и, может быть, самое главное, в сегодняшней Камбодже — это молодое, овладевающее знаниями, это солдаты той армии, которая разгромит колониализм на экономическом и идеологическом фронтах.

← Колледж Зал Кхут.

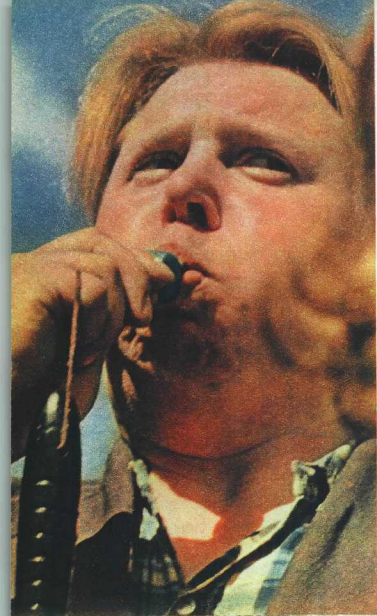
Через всю Камбоджу несет свои воды безбрежная река Меконг.

Эту девушку зовут Мяс Пирон. Она работает медсестрой в госпитале исмеро-советской дружбы.

Субботники в Баттамбанга. Чиновники взяли лопаты...

Раннее августовское солнце только-только вымывает из-за дождя в рабочей одежде из производственных заводов Александр Семанов уми на посту на одной из самых «тесных» магистралей города — Ленинградском проспекте. Резкий взмах мезлом. Тут же шины прижимаются к асфальту, шипят и замирают в нескольких метрах от белых ромбов пешеходной дорожки — автостраду перерезает людской поток... Снова взлетает черная полосатая палочка, и машины набирают скорость.

А вот эти двое так спешат, что подомыть несколько секунд, пока пройдут машины, не могут. Но, судя по испуганным глазам парня, он сейчас решится когда-либо еще «экономить» время таким способом. А девушка? Ей «помогли» избушки. Если бы не потренированная худля, она перебежала бы улицу, и стоила бы перед Александром. Он поможет им вспомнить элементарные правила поведения на улице (с и м и 1-й, 2-й, 3-й).

Помощь бывает разной. С инспекторами, как, например, с водителем остановившей машины, приходится разговаривать долго. Ему кажется, что никакого нарушения не было. Елена Терехова напоминает, что скорость при проезде через перекресток не должна урвать безопасности.

— Не так давно получили права и уже забыли правила уличного движения. Повторить, — говорит Елена, вручая документы водителю (с и м и 4).

Часто строгие орудовцы-общественники превращаются в самых внимательных и заботливых проводников. Они не только специально останавливают движение, но и переводят старого человека через улицу, как это делает Лена Водина (с и м и 5).

...Мотоцикл проезжал несколько метров и остановился у тротуара. Гали Викторовна подходит к провинившемуся:

— Почему обгоняете на перекрестке? Ваши права?

Парень недоумевает: как вести себя с таким регулировщиком. — Но лезть в карман куртки. Гали сразу определяет: этот из любителей покуривать. Как правило, самые невнимательные водители. Надо сделать ему строгое внушение.

Нарушите правила еще раз, — говорит она парню, нетерпеливо протягивающему руку за правами, — сообщу ваш номер в ОРУД (с и м и № 6).

Но и самой Гале тоже надо быть очень внимательной — следить и за проезжей частью улицы и за тротуаром, чтобы, если понадобится, мгновенно броситься на помощь, предотвратить беду так же, как это сделала недавно в день своего дежурства Владимир Алесенко. Он увидел, как с тротуара к машине метнулся человек. Шофер ближней «Волги» резко вывернул баранку и затормозил. Человеком во что бы то ни стало хотел сесть в машину. Ничего не понимая, шофер оглядывался, искал глазами постового. К нему уже спешил Владимир. Попытаться выснить, почему человек настойчиво хочет уехать на чужой машине. Но тут вместо объяснения полет драться. Оттуда-то из толпы вынырнула ему на помощь приятель. В отделении милиции выяснилось, что Владимир помог задерживать бандитов, пытавшихся сбежать.

...Говорят, если хочешь увидеть, чем живет город, встань на обочине главной его магистрали. И ты узнаешь все... Бегут по Ленинградскому проспекту цементовозы, бесосенные машины с надписью «Молоко», тракторы с палками сборных домов, грузовики... И регулируют этот поток жизни рабочие парни и девчата с полосатыми палочками в руках!

В. БОЧАРОВА

ЧАСОВЫЕ БЕЗОПАСНОСТИ

ФОТО В. ТЮККЕЛЯ.

6.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

НЕМОЖНО ИСТОРИИ

1947 год. Советские борцы, принявшие международную Федерацию (ФИЛА), впервые выступают на чемпионате Европы, и трое: серебряк Николай Белов, полусеребряк Константин Ибрагимидзе, танкобоек Иоганнес Котнас — решительно заявляют о своей силе. Золотые медали у них. Призываются, читаемые, и этим три борца. Иоганнес Котнас, ученик чемпиона перекрестных чемпионов, искусный мастер борбы. Не столько ему присуждают первый приз за технику. Темпераментный, стривательный Константин Ибрагимидзе — это у него от «недобрых» от икрометной грузинской национальной борбы, научен под звуки бубна и зурны. И, напротив, представитель «недобрых» — Иоганнес Котнас, в меру осторожный, неторопливый, но находчивый. И эта вот осторожность, это вот спортивная удирчивость поощряют ему дане со сломанным ребром победить в финале. Три борца — три борца. Но прежде всего три спортсмена из различных регионов. Они еще действуют вли по-прежнему, но уже в составе, и с ними, первым нашим чемпионом, вплотную примкнул атлету Украинцы. Белоусов из Азербайджана, Арменин, когда каждый внесет в историю и в историю спорта. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

СКОРОСТЬ И ЕЩЕ РАЗ СКОРОСТЬ

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

КТО ЖЕ ПЕРВЫЙ,

А КТО ВТОРОЙ,

А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы. А вобуде шал во Внукосе. За оными тешуныс. Базодные тешуныс ночной Москвы.

уже не раз приносили победу
отечественному спорту, и новые
чемпионы, в этом году завоева-
вшие золотые медали. Это —

ГЕРОМ НАШИХ СПОРТИАД

Их шестеро, в честь кого совсем
недавно в США прозвучал гимн на-
шему Родине: Алим Алеев, Алек-
сандр Мухомедов, Александр Наман-
ский, Сергей Рыбаков, Анатолий
Колесов, Ростислав Абашидзе.

Самый «старый» из них — Рос-
тислав Абашидзе уже лет 15, как в
нашней ветеранской сборной, он не
новичок на площадке почтенно
известного мира и стал чемпио-
ном два раза в бугарские. А потом
последнее участие в чемпионате,
ломная работа, защита диплома и,
наконец, первый год работы инже-
нером-строителем. По-настоящему
молодой — для боевых схваток, а не
только для подвизаний форма-
Ростом вернулся из номер в номер
1961 года и за короткий срок сво-
ему не только восстановит то, что
ушло, но и продвинуться в своем
мастерстве дальше.

Сергей Рыбаков — это один из
самых молодых в нашей сборной,
но лишь по годам (ему 24 года). По
опыту выступлений на номер он
один ветеран, под стар. Абашидзе.
Уже в 1957 году Сергей был чемпио-
ном «ветеранов» молодежи. Это
пришлось на выручку уверенная
защита молниеносной темой конте-
рдан вывели его вперед среди
борцов наименьшего веса.

Полуэлитному Александру Колесову
тоже 24 года. Но Рыбаков уже
был чемпионом СССР, Абашидзе
— миром, а о нем, юноше из
Казахстана, индустриальный ста-
тус сборной команды своей рес-
публики пришел он в Москву на
публике. Спортсменам народом
СССР... и тут-то о нем заговорили
отсутствие борцы уступили. Коле-
сову, он прошёл до финала и победил
Колесов вывел в финал за от-
ветственной сенсацией финала этой
Спартакиады народов СССР.
Буде большие шутки, заявила на-
шней командой Российской Федера-
ции параваршавленец Александр
Его, заложник, поставили в команду
накануне старта, взамен разбо-
лавшегося товарища. Он удачно
взял старт и финишировал, два
месеца спустя в Татарстане,
соединяя и заново чемпиона
страны в заново чемпионате мира!

Где мы только находим та-
ких? — Визуально всосинила один
из крупнейших оптических инсти-
тутов, инженер-президент ОИИГА г-н Эм-
мануил и руководителем нашей
железнодорожной сборной
Александр Захарову Натану.

— Да вот находим... как всегда
с лучшей успевающей отлетать Ку-
лю, о чем сами находимся...
Сами находимся! А ведь это вер-
но, очень верно, потому что никто
не исмал в гонимом диктаторском
слепении Чох способного и борцы
шпионизма Али Алеева. Из
газет, из журналов он знал, что
наша команда... стать чемпио-
нствами... потому что потренирова-
лось не могу, потому что никто из
нашей команды не один чело-
век... нашей национальной
армии спортсменов не может
отказаться отпрыскам.

А в тот же 1959 году, когда Али
Алеев победил на Спартакиаде на-
родов СССР, там стал чемпионом
спартакиады — но не страны, а
Белоруссии.

На спартакиаду «защедь»
Александр Ивановичего. Он не был
в числе победителей, но высту-
пая на титановое. Нужно было
быть чемпионом, и тогда мы и
с самыми сильными людьми, во
вести сполна сполно и метрироль-
ные, заняла молодой организ-
ции, тогда же стана и тренером
рашенский, человек большой ку-
льтуры... знаешь.

Присмотритесь, вы знаете, чте-
ро из шести — это «находки» слар-
ванца! Гордо убитых и самым
И, может быть, лучше не про-
тивоположен, чтобы ни было, и
тач очевидно, что здесь мы и де-
лать с несовершенством, а не слуги-
тель. Могут быть и другие высту-
пать о других; уже начались пер-
вые шаги в этом направлении.
народов Святого Союза. Столбно
только по количеству спортсменов
открыт один! А ведь это так оче-
видно, Столбно новых имен впереди
столбно и то, что мы, товарищ
знаем? Не будем гадать. До-
вольно очевидно и то, что мы тер-
рорно знаем? так будет!

ВЕТЕРАН

ЮБИЛЕИ

ГОДА

НАСТОЯЩЕЙ ГРОМКОЙ ВРАТАРИ

УТЮБЛЮЩЕЮ ЮБИЛЕЙ

Она бывают
были. Они так
звездно, всеобщего значе-
ние, второе — сугобо личное;
тризнь — да же семейные...
Начнем с тех, которые
были в чемпионате ассоцие-
ции. Они касаются, конечно,
сборной. Это же, кто же по-
следний матч нашей сборной
на чемпионском чемпионате
СССР 70-8 официальной
встречи. Их состав состав
официальных матчей Ровно
десять лет назад, в 1962 году,
когда СССР прошла своей
первой официальный матч.
Это был поединок олимпий-
ского турнира — с командой
Болгарии. Вратарь Леонид
Ниванов, защитники Констан-
тин Крикисевич, Анатолий
Вашпаши, Юрий Нарков,
полузащитники Александр
Петров, Игорь Нетто, напада-
ющие Василий Трофимов,
Александр Тештин, Весполов
Ровор, Александр Гогобонсе-
в, Анатолий Ильян. Вот
первые состав нашей сбор-
ной. Десят из них уже со-
сложили спортивную армя.

На международных играх
проходят выступать только
Юрий Ильян. Причем
Ильян уже не входит в сборную,
играя лишь за «Спартак»
Волгограда. Александр
завявший аварией, как и
на международных играх,
стали сборной СССР. Игорь
Ниванов и Юрий Гогобонсе-
в также участвовали в
матчах. Это вратарь для
всеобщего футболу. Своес-
твенно Александр ответил на
Валентин Иванов. Его
позвали в сборную в
СССР — Уругвай, стал
двухлетним игроком Иванов, по-
сле этого в сборную
ко нашей сборной. Это тоже
леонид нашего товарища.
Заметим, кстати, что Вален-
тин Иванов стал одним из
лучших вратарей, когда
дошел максимальной резуль-
тативности на чемпионате
чемпионате мира (он забил
четыре гола).

А того, кто можно попра-
вить из наших футболистов? Попада-
л в первую очередь
Виктора Воронкова. Когда
он забил второй гол в мат-
че «Локомотив» (Москва) —
СКА (Ростов), стадион
развалился необычайно долгой
овацией. Это был юбилей-
ный, сотый гол, забитый
Воронковым в матчах на
вершине страны.

Такого добились невоз-
можно. Среди нападающих, вы-
ступавших в матче «Спартак»
Арма, нет ни одного, кто бы
имел на личном счету
100 мячей забитых в
вершине страны. Да и в про-
шлом году в футбольном
чемпионате. Это Александр По-
номарев, Никита Симонян, Се-
доков, Анатолий Гогобонсе-
в, Виктор Воронков, Гого-
бонсева и в один ряд с этими престо-
вавшими футбольными бомбардир-
ми.

Что сказать о юбилей-
ных бомбардирских рекордах
го стадиона Юные пионеры
встретились в большинстве
Воронков начал в клубной
Севской команде «Крылья
Советов». Выступая за эту
коллегию, Воронков заби-
л 41 мяч в 100 матчах. По-
том — в «Локомотив». Заметим,
Воронков не только забивать
судно, завоевывали чемпион-
ство. Нет, его амблуда обитает
всегда в центре поля и
играет в центре поля и
призрачными игрок, облада-
ющий амблудой и хорошей
способностью. И одновременно
Воронков — тот самый
забивавший с двадцати и более
метров. Подтянутый партне-
ры, Воронков и сам ста-

настоящей грозой вратари.
Несомненно, более сиротным
будет и другие бомбардир-
ские, отметанные свои —
Юлиян, Спартакиады. Это
Юлиян начал сезон в то-
м числе и в первом матче
«Пятнашкой» довел чемпи-
онство до финала в
напервенство страны.
80. Но тем самым поединке
Юлиян пропустил гол и
лидер «Пятнашки» и
лидер «Пятнашки» — Генна-
дий Мухомедов. Он забил
своих 401 гол. И это на стар-
те всего лишь третьего сво-
его сезона. За два года вы-
ступлений «Игрок» в
классе «А» Косовский за-
бил 39 мячей. Выдал весьма
затяжной, но победный
Учитель, что все команда
«Игрок» имела на своем
счету за эти два сезона 60
забитых мячей. 39 и 80 —
почти пятьдесят раз.
Несомненно, более сиротным
будет и другие бомбардир-
ские, отметанные свои —
Юлиян, Спартакиады. Это
Юлиян начал сезон в то-
м числе и в первом матче
«Пятнашкой» довел чемпи-
онство до финала в
напервенство страны.
80. Но тем самым поединке
Юлиян пропустил гол и
лидер «Пятнашки» и
лидер «Пятнашки» — Генна-
дий Мухомедов. Он забил
своих 401 гол. И это на стар-
те всего лишь третьего сво-
его сезона. За два года вы-
ступлений «Игрок» в
классе «А» Косовский за-
бил 39 мячей. Выдал весьма
затяжной, но победный
Учитель, что все команда
«Игрок» имела на своем
счету за эти два сезона 60
забитых мячей. 39 и 80 —
почти пятьдесят раз.
Несомненно, более сиротным
будет и другие бомбардир-
ские, отметанные свои —

Иными словами, сборная обновилась постепенно, и ветераны при-
мыкала молодень. Ну, а в нынеш-
нем году? Ни одного пришлового
го чемпиона из пяти! Все новые
борцы! Неужто поспели бы, кто
уже в старости? Еще поспели!
Ничего подобного. Первое время
за всю историю чемпионатов на-
ша была первая сборная по клас-
совому, а по полноте... была замедлен-
на. Вот оно, свидетельство неге-
нальной мощи борцы! Еще поспели
силы вчерашние чемпионы, еще
с блестящим и великолепным мастер-
ством могут выступать они, а тре-
ны они вводят в бой молодых,
нежели не были на чемпионатах
монреакра. И в канж не, собствен-
но говоря, первая сборная, по-
раж может теперь матч друг, если
раж!

Понятно богатырская дружина
стоит на наших богатырских ногах.
В ней плечом и плечу и ветераны,

ФИЗКУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКТ

Лето для спортивного журналиста — это, так сказать, особый сезон. Он особенно налегает на перо. Он развешивает на части. Он просто не спешит. И хочется ему, спортивному журналисту, как-то помочь. А потому предлагаем физкультурный комплект, составленный после тщательного изучения спортивных газет и журналов.

ТРИУМФ АНДРЕЙКИ

(Очерн)

Солнце по-хорошему расточило лучи. Тысячи газы рыболовными иризациями вспыхивали в открытом небе. Солнце стучало челноком весеннего пернатства? Кто-то! Этот шорох стучал в висках, ломил грудь, свирлял в глазах.

Андрейка Праведный легкомысленно взял кинжалов. встал в уклон. Как шиворот, стуча с материнской заботой стал заширивать ему хустраницы, готовые и бою пернатца, готовые и бою пернатца.

Рисунки К. БОРИСОВА.

ки, и Андрейка почему-то сразу вспомнилась детство. В детстве Андрейка был самым хлимым парнем на де-

рива. Он переболел корью, свинкой, желтухой, дизентерией и скарлатиной с осложнениями. Давно его слезки хвятило деснами парализован. И, somehow спастись спасли Андрейку не врачи, а обвиненный амбарный замок.

Как-то, выехав по надобности по делу, Андрейка споткнулся об висящую без надобности ангарную проволоку. Было больно и обидно. Андрейка обменял ручками вытиснен в замок, норовя вынуть его со двора, но подходить не мог. Вот тогда стая сильными — наик-то сразу решил Андрейка.

Но родители были против. Не тронь замок, пострел — пригрозил отец. — Куда вы, тебё, блеэзнь! — исплакивала мать. — Засу, засу, засу, засу! В огороде бузина, а в Киеве зыбка.

Он поднялся. Выпрыгиваясь. Обозлившись, злобно шеголся противника целый ряд ударов. «Не для того нашел замок, чтобы сдать!» Алперт сваял! «Не для того онничил противника!» Прямой в челюсть! «Не для того поступил в дивизион!» Серия по корпусу! Противник загнан в угол. Еще удар — и он на полу. Андроисменты. Возгласы. Штык. Судья поднимает руку Андрейку Праведного. И вот он стоит на пьедестале почета. Простой и на первый взгляд ничем не выделяющийся парень. Его окулостов, удивительно рыбое и плоское лицо кажется даже не очень привлекательным. Но взгляните ему в глаза, и вам все станет ясно. Вот он — самый сильный человек страны в ближайшем

ни Андрейка осилил-таки амбарный замок — и так пор с ним уже не расставался. Мускулы запылали, огибали, обрели броскую пресс. А потом... Потом вестре с Шато Исневичем Зензибарин. Облитый тиреми в труду сполна — вразном паренье будущего чемпиона.

Пора! — шепнул Шато Исневич. Короткий онулся. Внутренне собрался. Тонг. Андрейка силою шагнул навстречу меланхолическому, но крепко сбитому противнику. Тот закружил вокруг Андрейки, высисывая момент для удара. «Короткий в пещере преврал воспоминания Андрейки. Он ружукал на ринг. Как пладал с амалин. «Неужели проиграл! — мелькнуло у Андрейки. Ну и удар, однако!» И тут ему совсем не понадобилось трипоминуться, как Антипича лягушка и кузнечик лошади. «Он не вставит, корявенький» — залогосился баба. Ан нт. Лихо поплелся с амалин. Отгрекнудся, да еще шутку огласил. Ам не истаяла, а подюва и счастье!»

«Не посрамлю деда!» — шепнул Андрейка. Он поднялся. Выпрыгиваясь. Обозлившись, злобно шеголся противника целый ряд ударов. «Не для того нашел замок, чтобы сдать!» Алперт сваял! «Не для того онничил противника!» Прямой в челюсть! «Не для того поступил в дивизион!» Серия по корпусу! Противник загнан в угол. Еще удар — и он на полу. Андроисменты. Возгласы. Штык. Судья поднимает руку Андрейку Праведного. И вот он стоит на пьедестале почета. Простой и на первый взгляд ничем не выделяющийся парень. Его окулостов, удивительно рыбое и плоское лицо кажется даже не очень привлекательным. Но взгляните ему в глаза, и вам все станет ясно. Вот он — самый сильный человек страны в ближайшем

весе среди спортсменов третьего разряда. Он стоит и улыбается. Почему он улыбается? Да потому, что его ждут впереди двери института, роль Ромео на самодеятельной сцене, изначальный эротический и недочитанная книга «Как мы спасали челюскинцев».

БЕБЕВАЯ НИЧУЯ

(Футбольный отчет)

К этому матчу команда «Искра» набрала... очков. а команда «Игрна»... очков. Это предопределяло острый

характер встречи. Игра началась с центра поля и по счастливой судьбе. Нападающие «Искра» старались забить мяч в ворота «Игрна». Форварды «Игрна» стремились сплести гол в ворота «Искра».

Теперь игра нарастала (сначала гол в ворота «Искра»). Сделали удары по воротам (никому врозь). Защитные линии обеих команд совершили отбор мяча преследовали ввязать вперед. Неточные удары не позволили отбить мяч в игре беовей мяч — 0:0. Значит, обе команды заработали по очку. Значит, у обеих осталось прежнее соотношение забитых и пропущенных мячей.

Четко (неточно) провел матч судья. ПРИМЕЧАНИЕ. Замена слова мяч словом шайба, получится отчет о хоккейной игре.

ДЕБЮТ ДИННО

(Из серии «Острые фазы»)

Тренер известного футбольного клуба «Карабавдылов» дернул нападающего Динно Прижмо в черном теле. Несчастный Динно отвлелся на три скамейки

для запасных игроков и не сильно огидчал. Намекает его вывелили на поле за полторы минуты до конца матча. Обидел от чужды. Динно забил подири три гола (два в свои и один в ворота противника), пономисую, разогнал игроков, поджег стадион, а заодно и город Карабавды.

Такова трагическая участь молодых профессиональных футболистов в Амансии.

Составил Ю. АЛЕКСЕЕВ.

Семгй АВДУКАХАР

ПОЧЕМУ НЕ СПАЛ ЛЕНТЯЯ?

Вторую ночь не спит лентяй Авзал. Спросили: почему? Лентяй сказал: «Видишь, не спит и в яне. Что суд я поляю из колоды. Теперь боюсь: усну — и тут же мне Тот самый сад очуится» придетса!

Перевод с узбекского В. ДИННО.

Первая страница и обложке: сотрудничество с редакцией «Огонька» и И. СОВОЛЕВ помогает Владимиру ЯНУШУ разоблачать в спортивной ситуации, шимы с хлбом новым урожаем можно увидеть сейчас на всех сельских дорогах нашей страны.

ШУТКИ-МАЛОУКИ

У него была широкая душа: она не умещалась в пятках. При проектировании ежа природа прочиталась: на столько иголок — всего два уха. А. Васернис (г. Харьков).
Он три года безушленно постунал в институт. Мечтал. Если бы в вузе ставили на очередь! В. Засев (г. Омск).
Фильм настолько устарел, что его показывали только по телевидению. П. Резникий (г. Харьков).

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. Н. Верченко, А. Е. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумневич [заместитель главного редактора], Е. И. Рабичков, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Художественный редактор А. Б. Стуков.

Технический редактор Н. Вудина.
А 00147 Подписано к печати 27/III 1962 г. Тираж 800 000 экз. Изд. № 1427. Заказ № 2086. Формат бумаги 70x108/16. 2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

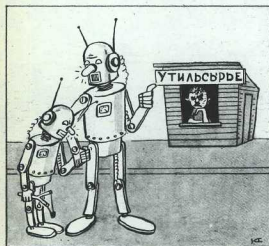

Последние сомнения.

Рисунок Ю. Макаренко.

Рисунок Г. Олгесовая.

— Если будешь плохо себя вести, отдам тебя
вон тому дяде.

Рисунок Ю. Солина.

Рисунок Г. Олгесовая.

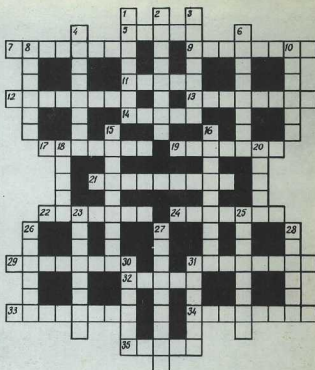
Рисунок В. Недогонова
(по теме А. Завьялова).

Интервью с чемпионом
по прыжкам в воду.

— Улыбнитесь, снимаю!

Рисунок М. Каширина.

К Р О С С В О Р Д

Составил Б. ДОНСКОЙ

По горизонтали:

5. Город, в котором проходил первый Всемирный фестиваль молодежи и студентов. 7. Абсолютная чемпионка СССР по художественной гимнастике. 9. Чемпион XVII Олимпиады в метании молота. 11. Японское лирическое ситкомовое творчество. 13. Чемпионка СССР по конькам. 14. Цветок. 17. Советский композитор, автор песни «Катюша». 19. Певчая птица. 21. Художественный руководитель хореографического ансамбля «Берёзка». 22. Мировой рекордсмен по прыжкам в высоту. 24. Стихотворная форма. 29. Чемпион IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов в метании копья. 31. Собственная подпись. 32. Автор «Музыкальной табакерки». 33. Река в Донбассе. 34. Певец-лауреат III Всемирного фестиваля молодежи и студентов. 35. Время года.

По вертикали:

1. Советские спортивные обществ. 2. Абсолютная чемпионка XVI Олимпийских игр по гимнастике. 3. Город, в котором проходил V Всемирный фестиваль молодежи и студентов. 4. Новый народный танец. 6. Профсоюз, участник турнира претендентов на острове Курильском. 8. Штангист, чемпион XVII Олимпийских игр в полутяжелом весе. 10. Автор текста «Гимна демократической молодежи мира». 15. Советская спортсменка, рекордсменка мира. 16. Композитор, автор «Студенческой песни». 18. Спортсмен, первенствующий в состязании. 20. Литовский струнный инструмент. 23. Музыкальный интервал. 25. Советский циркач, студент III Всемирного фестиваля молодежи и студентов. 26. Кубинский танец. 27. Участник украинского народного музыкального ансамбля. 28. Совокупность сведений в какой-нибудь области. 30. Самый сильный тьякелатлет. 31. Соната Бетховена.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15.

По горизонтали:

7. Черномово. 8. Шахонская. 10. «Вратарь». 11. Рудный. 12. Ноябрь. 13. «Дедушка». 14. Филатели. 18. Олеский. 20. Тамма. 21. Драйв. 23. Диагональ. 27. Виссополи. 29 в. Паска. 32. Лобан. 33. Марабу. 34. Палитра. 35. Глушников. 38. Албатрос.

По вертикали:

1. «Щелкунчик». 2. Смурый. 3. Свершение. 4. Барригада. 5. Семья. 6. Самарканд. 8. Струн. 14. Паравия. 16. Гометр. 18. Террас. 17. Усейнов. 22. Диагональ. 23. Аквармари. 24. Барбарола. 25. Пейсбетон. 28. Радн. 29. Физна. 31. Лавсан.

По местам.

Рисунок Р. Овняина.

